

ВЕСТНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Зарегистрирован Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № 2-5094 от 16 марта 2001 г.

Учредитель и издатель:

Некоммерческое партнёрство
**ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Политико-консультативный совет:

ВАССОЕВИЧ А. Л., д. филос. н.
(председатель),
ВОДОЛЕЕВ Г. С.,
ВОРОНЦОВ А. В., д. филос. н.,
ДВАС Г. В., д. э. н.,
КАЛАШНИКОВ В. В., д. ист. н.,
МЕЗЕНЦЕВ Д. Ф., к. психол. н.,

Научно-редакционный совет:

СЕМЁНОВ В. Е., д. психол. н.
(председатель),
ВАТУЛИН А. И., к. пед. н.,
ДВАС Г. В., д. э. н.,
ДЕЙНЕКА О. С., д. психол. н.,
КЛУПТ М. А., д. э. н.,
МЕЗЕНЦЕВ Д. Ф., к. психол. н.,
ЮРЬЕВ А. И., д. психол. н.

Главный редактор:

ИВАНОВ С. В.

Редакция:

ИВАНОВА А. С.,
ГРАДОВА Н. А.,
ИВАНОВА Ан. С.,
ПОНОМАРЁВ А. В.,
СТЕПАНОВ А. М.

Адрес редакции:

192012, Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны,
д. 116/1, лит. Е, оф. 817
тел.: (812) 927-98-93;
e-mail: vestnik@cppr.ru

© Полное или частичное воспроизведение допускается только со ссылкой на «Вестник политической психологии». Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Электронная версия номера опубликована в сети Интернет (<http://vppr.cppr.ru>): 30.12.2018

Подписано в печать: 30.12.2018

Тираж выпуска: 1500 экз.

Печать: типография ИАА «Тим Инфо»

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНАЯ ДАТА

К 80-летию со дня рождения А. М. Зимичева 2

ВТОРЫЕ ЗИМИЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Межэтническое согласие в эпоху гибридных войн 3

Вассоевич А. Л. Разрушение старых и формирование новых этносов в свете психолого-политической теории Анатолия Михайловича Зимичева. 3

Колотов В. Н. Создание этно-конфессиональных противоречий с целью проведения управляемой региональной дестабилизации 7

Угрюмов В. Б. Флаг как яблоко раздора 12

Эль-Ашкар Х. Этапы разрушения межэтнического согласия на Ближнем Востоке. 13

Дейнека О. С. Демографические войны как вид гибридной войны и угрозы этносу 19

Забарин А. В. Информационно-психологическая война за образ террориста в массовом сознании 21

Ватулин А. И. О методологии создания общенациональной идеологии 25

Градова Н. А. Эмоциональное развитие в младенческий и сенситивный периоды как фактор сохранения этноса. 26

СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИКА

Семёнов В. Е. Многообразие идеологий в современной России и проблема их совместимости 30

Вассоевич А. Л. Российская политическая психология накануне 30-летия. 35

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Мельник Е. Е. Кризис современной российской партийно-политической системы 39

УРОКИ ИСТОРИИ

Водолеев С. Г. Психолого-экономические факторы разрушения советского суперэтноса 43

Слёзин В. Б. Нравственно-психологическая основа победы Советского народа в Великой Отечественной войне (очерк). 46

Вестник выходит при поддержке:

- Кафедры политической психологии СПбГУ
- Санкт-Петербургского Совета мира и согласия

Тираж распространяется бесплатно по адресной рассылке в Администрацию Президента РФ, Правительство РФ, Совет Федерации, Государственную Думу, Верховный Суд РФ, губернаторам и председателям Законодательных собраний субъектов РФ, представителям судебной власти, крупным промышленникам, банкирам, предпринимателям Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. ЗИМИЧЕВА

17 апреля 2018 года **Анатолию Михайловичу Зимичеву** — выдающемуся русскому учёному и нашему духовному и научному руководителю — **исполнилось бы 80 лет**. К сожалению, два года назад мы потеряли своего Друга и Учителя. Поэтому **считаем своим долгом** перед ним, перед собой и последующими поколениями психологов не только **сохранить его теории, его мысли и практические разработки**, но, по возможности, продолжить их развитие.

Одним из таких направлений нашей деятельности является организация и **проведение ежегодной научно-практической конференции «Зимические чтения»**, которая во второй раз проходит в пресс-центре ТАСС в Санкт-Петербурге. В этом юбилейном году тема конференции была посвящена актуальной проблеме межэтнического согласия в эпоху гибридных войн, которая для Анатолия Михайловича была **одной из приоритетных в его практической деятельности** на протяжении последних сорока лет.

Организаторами конференции выступили «Санкт-Петербургский совет мира и согласия», кафедра политической психологии СПбГУ и Санкт-Петербургская Восточная академия.

Руководителем конференции являлся ректор Санкт-Петербургской Восточной академии, доктор философских наук, профессор А. Л. Вассоевич.

В ходе конференции с докладами выступили доктор философских наук, профессор Андрей Леонидович Вассоевич; заведующий Кафедрой истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, директор Института Хо Ши Мина СПбГУ, доктор исторических наук, профессор Владимир Николаевич

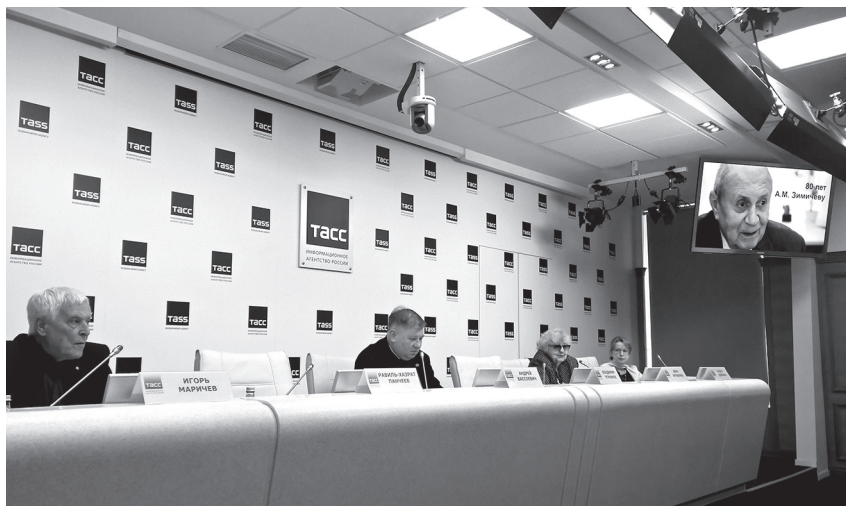
Колотов; главный советник департамента по вопросам внутренней политики аппарата полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе Владимир Борисович Угрюмов; преподаватель арабского языка и истории Ближнего Востока Санкт-Петербургской Восточной академии кандидат технических наук Халед Эль-Ашкар; заместитель заведующего кафедрой политической психологии СПбГУ, доктор психологических наук, профессор Ольга Сергеевна Дейнека; декан факультета истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Алексей Васильевич Воронцов; старший научный сотрудник НИЦ МО, кандидат технических наук, генерал-майор в отставке Игорь Георгиевич Маричев; доцент кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ, доцент кафедры психологии служебной деятельности СПВИ войск национальной гвардии, кандидат психологических наук Алексей Владимирович Забарин; доцент кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ, кандидат педагогических наук Александр Иванович Ватулин; директор информационно-аналитического агентства «Тим Инфо» Нелли Александровна Градова; доцент кафедры политической психологии факультета психологии СПбГУ, кандидат психологических наук Александр Григорьевич Конфисахор.

С наиболее интересными докладами и выступлениями мы хотим познакомить наших читателей на страницах данного выпуска Вестника.

Главный редактор С. В. Иванов

ВТОРЫЕ ЗИМИЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ В ЭПОХУ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

17 апреля 2018 года в пресс-центре ТАСС в Санкт-Петербурге прошла научно-практическая конференция «Вторые Зимичевские чтения», приуроченная к 80-летию великого русского учёного А. М. Зимичева. Организаторами конференциями являлись «Санкт-Петербургский совет мира и согласия», кафедра политической психологии СПбГУ и Санкт-Петербургская Восточная академия, научный руководитель конференции — доктор философских наук, профессор А. Л. Вассоевич.

Доклад ректора Санкт-Петербургской Восточной Академии, доктора философских наук, профессора **А. Л. ВАССОЕВИЧА** НА ТЕМУ:

«РАЗРУШЕНИЕ СТАРЫХ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЭТНОСОВ В СВЕТЕ ПСИХОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АНАТОЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА ЗИМИЧЕВА»

Анатолий Михайлович Зимичев, согласно анкетным данным, родился 17 апреля 1938 года в Москве. Однако раннее его детство прошло на территории Японской империи, которая прибрала тогда к рукам значительную часть Китая.

Анатолий Михайлович родился в очень непростой семье. Сам он рассказы-

вал об этом так: *«Мой отец окончил второе отделение академии Фрунзе (это разведотделение) и сразу же был направлен в разведуправление РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии). И через некоторое время, уже в сентябре тридцать восьмого года, он был направлен на дипломатическую работу в Японию. Фактически почти с рождения я находился в Японии. Мы все были там: я, мама моя, отец. Ну и позже, в сороковом году, родилась ещё у меня сестрёнка».*

Эти слова Анатолия Михайловича Зимичева прозвучали в радиопередаче, которую мы с ним запи-

сывали, и приоткрыли некие тайные обстоятельства, которые состояли в том, что родители Анатолия Михайловича принадлежали к разведывательному сообществу. Несомненно, самые первые впечатления жизни, полученные в Манчжурии, расширили кругозор Анатолия Михайловича. До конца своих дней он проявлял интерес к японской и китайской иероглифике, хотя, естественно, помнил зарубежный Дальний Восток лишь по обрывочным воспоминаниям раннего детства.

Уже в послевоенное время в жизни Анатолия Михайловича произошло ещё одно очень интересное событие. Связано оно было с тем, что его отец, хотя и имел очень важный дипломатический ранг, стал с самого начала Великой Отечественной войны добиваться, чтобы его отправили на фронт. Добившись этого, он в итоге оказался одним из первых военнослужащих, которого посмертно наградили в страшном для РККА 1941 году Орденом Ленина. Когда же война в 1945 году закончилась, останки наиболее значимых для страны героев, по распоряжению Сталина, были подвергнуты эксгумации для перенесения на Новодевичье кладбище в Москве. Отец Зимичева оказался похоронен недалеко от могилы Аллилуевых. И вот тут в жизни Анатолия Михайловича произошло одно очень любопытное событие, о котором нельзя не упомянуть, так как оно косвенным образом могло повлиять на его теорию этногенеза. Вот что рассказывал об этом событии сам Зимичев: *«Моего отца после войны, в сорок шестом году, когда строилась Аллея Героев на Новодевичьем кладбище в Москве, перезахоронили*

из-под Брянска; у него один из первых Орденов Ленина был в Великой Отечественной войне. Меня мама брала с собой. Моя миссия была ходить за водой далеко, туда, где был водопроводный кран; я набирал воду, чтобы поливать цветы. Обычно у меня была небольшая такая леечка, но один раз я забыл эту леечку. Мама взяла огромную лейку, для меня огромную. Мне было всего восемь лет. И сказала: «Набери немного воды. И приходи». Я пошёл туда, налил полную лейку воды. И начал её так передвигать, тащить. Подходит ко мне мужчина (в кителе он был) и говорит: «Давай помогу». Ну, я ему и отдал. Принёс он лейку со мной к могиле. И уже у могилы моего отца вдруг моя мама встаёт, распрямляется и говорит: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!» Я понял, что это Сталин. Вот так состоялось моё с ним знакомство».

Конечно, это удивительная история. И я спросил у Анатолия Михайловича: «Но ведь там полно было охраны». Он ответил: «Охрана, может быть, и была, только я её там не видел». И вполне вероятно, что человек, ухаживающий за могилой своей жены, не хотел, чтобы кто-то видел проявления каких-либо его человеческих чувств. Естественно, что такая встреча с исторической личностью, которую в ту пору принято было называть Отцом народов, на Анатолия Михайловича произвела огромное впечатление. Впечатление это только усилилось после того, как Толя Зимичев стал суворовцем. Ведь суворовские училища тоже были созданы по распоряжению Сталина. Более того, я могу сказать, что портрет Сталина до конца жизни висел в рабочем кабинете Анатолия Михайловича. И, тем не менее, несмотря на такое уважительное отношение к Верховному Главнокомандующему эпохи Великой Отечественной войны, Анатолий Михайлович смог разработать теорию этногенеза абсолютно независимо от того определения нации, которое вошло в плоть и кровь многих людей в нашей стране, вне зависимости от того, нравится им Сталин или не нравится. Даже после 20-го съезда, по сути дела, в наших учебниках повторялось то, что было написано в известной статье, сочинённой в Вене накануне Первой Мировой войны, где говорилось: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹.

Я бы сказал, что Иосиф Виссарионович умудрился зомбировать огромное количество людей самых противоположных политических взглядов. И, по сути дела, устойчивое словосочетание «исто-

рически сложившаяся устойчивая общность» сильно повлияло на мировоззрение не только основной массы советских граждан, но и тех, кто обитал в «братских странах социализма». Миллионы людей в нашей стране полагали, что действительно нации представляют собой некие естественные образования, наподобие Гималайских гор или Альпийских хребтов, которые едва ли разрушимы. Между тем, жизнь Анатолия Михайловича в после-сталинский период, как это ни парадоксально, оказалась весьма трагичной, потому что родители его принадлежали к разведывательному сообществу, а после 1953 года наиболее важные фигуры советских спецслужб были попросту уничтожены. Была арестована и мать Анатолия Михайловича Зимичева. Правда, потом её перенаправили по психиатрической линии, потому что Никита Сергеевич Хрущёв предпочитал, чтобы в Советском Союзе больше не было политических заключённых, а душевнобольные люди есть везде. Тогда Анатолий Михайлович Зимичев предпринял, по сути дела, совершенно детскую попытку освобождения своей матери. И в результате он сам оказался в местах лишения свободы, где в 1956 году на пересылке, в Лефортово, познакомился с Львом Николаевичем Гумилёвым. Непростая судьба этого выдающегося русского мыслителя сегодня хорошо известна. Гумилевское учение об этногенезе приобрело исключительную популярность. Однако, несмотря на то, что Анатолий Михайлович очень благоволил относиться к Льву Николаевичу и часто говорил о том, что встреча с Гумилёвым на пересылке в 1956 году перевернула всю его жизнь, в том числе изменила взгляды на российскую историю, сам он сохранил независимость суждений. Зимичев смог создать свою теорию этногенеза, не похожую на учение Гумилёва. Достаточно вспомнить знаменитое определение этноса из «Психологии политической борьбы», известнейшей книги Зимичева: «Этнос — это любое объединение людей, которые осознают свою общность, то есть могут сказать о себе «Мы»... Для того, чтобы этнос смог существовать, он должен быть противопоставлен окружающему миру, то есть «НЕ Мы». Иначе говоря, этнос всегда существует там, где есть разделение на «Мы» и «НЕ Мы»².

Многих это определение шокирует. Как так? Но есть примеры, его подтверждающие. Так, на заре возникновения великого арабского супер-этноса, исповедующего ислам, мусульманская община состояла из нескольких человек. Это были ближайшие родственники пророка, затем — его ближайшие друзья. Но, когда пророк начал осу-

1 Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос //Сочинения, т. 2. М.: ОГИЗ, 1946. С. 206

2 Зимичев А.М. Психология политической борьбы. СПб.: «Санта», 1993.

ЭТНОС — это любое объединение людей, которые осознают свою общность, т.е. могут сказать о себе «Мы»... Для того, чтобы этнос мог существовать, он должен быть противопоставлен окружающему миру, т.е. «НЕ Мы». Иначе говоря, этнос всегда существует там, где есть разделение на «Мы» и «НЕ Мы».

Рис. 1. Определение этноса по Зимичеву

ществлять свои проповеди, он мгновенно столкнулся с сопротивлением языческого мира. То есть мусульманская община оказалась окружена врагами. Степень ненависти к общине, которая проповедовала: لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ («Нет Божества кроме Бога») среди язычников, конечно, была огромной, потому что многие арабские племена не хотели расставаться со своими «богами» и «богиньками». Но, вместе с тем, ненависть этих людей способствовала консолидации исламской общины. В книге «Психология политической борьбы» есть замечательная схема. Схема Анатолия Михайловича Зимичева (слева) в точности соответствует его определению этноса: «Мы» — «НЕ Мы».

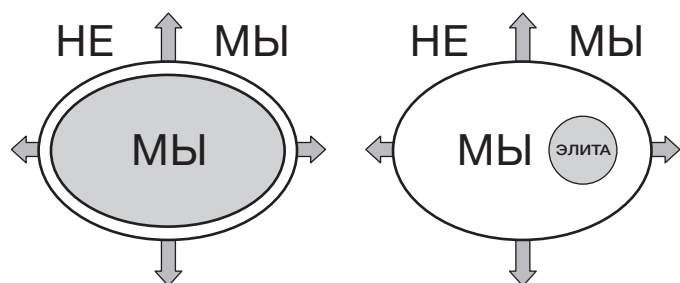

Рис. 2. Схема «Мы — НЕ Мы»

Анатолий Михайлович никогда не был учёным догматического толка. Он благоговейно вспоминал человека в кителе, который помог ему донести тяжёлую лейку до могилы отца, но зимичевское понимание этноса совсем не похоже на сталин-

ское определение нации. Зимичев очень дорожил воспоминаниями о своей первой встрече с Львом Николаевичем Гумилёвым на пересылке в Лефортовской тюрьме. Но зимичевское определение этноса не схоже с гумилёвским. Именно это дает и нам право, подражая Анатолию Михайловичу, творчески относиться к его теории. Поэтому я, преподавая студентам кафедры политической психологии, всегда вписываю в зимичевскую овальную схему свой маленький кружочек и подписываю его «ЭЛИТА»³. И если мы задумываемся над тем, что же такая схема более всего напоминает, то это будет живая клетка.

Схема построения животной клетки

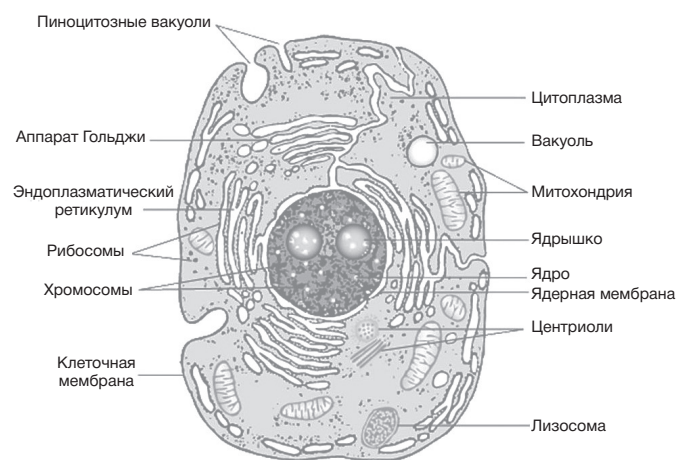

Рис. 3. Биологический аналог

Да, действительно структура клетки чрезвычайно напоминает структуру этноса. Скажут, что это грубое биологизаторство. Ничуть! Потому что, если мы возьмем план раскопок древних городов, то увидим, что в центре древнего городища, окруженного стеной, всегда есть укрепленный квартал. Если это Лагаш шумерийских времён, то это — квартал Гирсу. Если это наши славянские поселения, то этот укрепленный квартал называется кремлём. В нём обитает элита. Так что нет никакого грубого биологизаторства. Просто структура этноса формируется по тем же законам, по которым рождается живая клетка. А клетки способны к делению. На карте Сирии⁴ недавнего времени обозначены попытки её расчленения путём создания враждующих между собой этнических группировок.

3 Вассоевич А.Л. Идеология нового элитаризма в условиях криминально-мафиозного способа производства // Российские элиты на рубеже веков (социальные технологии нового элитаризма). Материалы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 62–68.

4 По состоянию на 1 января 2017 года. URL: <https://politus.ru/v-mire/2932-karty-sirii-demonstriruyuschie-uspeh-pravitelstvennyh-sil-v-osvobozhdenii-strany-ot-terroristov.html>

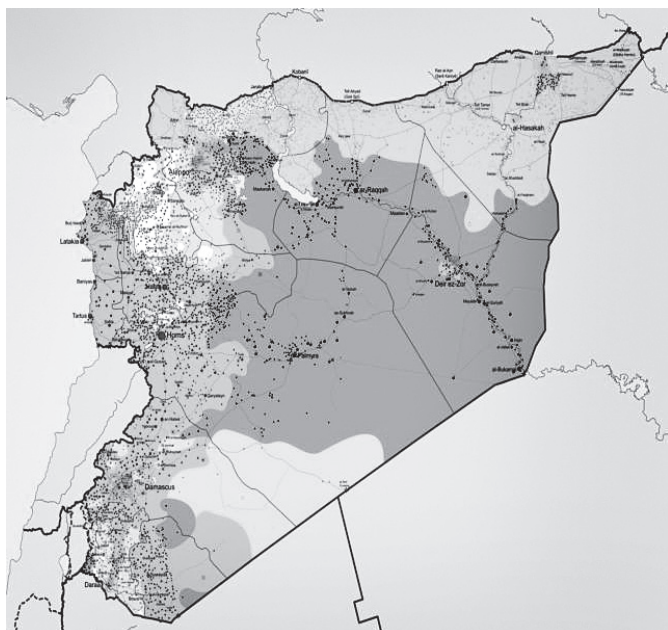

Рис. 4. Карта Сирии

Этническое оружие стало сильнейшим инструментом в разрушении суверенных государств. И в этом отношении теория Анатолия Михайловича Зимичева каждый год, каждый месяц, каждую неделю находит всё новые и новые подтверждения. Не все эти подтверждения носят трагический характер. Есть подтверждения и радостные. Можно вспомнить о том, как в дни так называемой «революции достоинства», когда на Украине был осуществлён антиконституционный государственный переворот, новая «майданная» контрэлита, ворвавшись во власть, начала наступление на русский язык. И что же мгновенно произошло с населением Крыма, Луганской и Донецкой областей? Люди ощутили враждебное «НЕ МЫ», которое на них посягает. И сразу же начался процесс формирования нового этноса. Люди, жившие в Крыму, стали говорить: «Мы — крымчане!» Но Крымская элита обладала достаточной дальновидностью в отличие от тех, кто захватил власть в Киеве, для того, чтобы понимать, что Крыму без России не выжить. И в результате мы стали свидетелями того, как возникший было крымский этнос стал частью российского суперэтноса. Этот пример блестящим образом подтверждает то, что теория этногенеза, созданная Анатолием Михайловичем Зимичевым, чрезвычайно продуктивна. Более того, вспомним то обстоятельство, что книга Анатолия Михайловича Зимичева «Психология политической борьбы» впервые вышла в 1992 году в Киеве. Но — поразительное дело — книга, изданная в Киеве, сразу же стала известна в Соединённых Штатах Америки. Политтехнологи, которые вели губернатора Билла Клинтона к демократическому завоеванию власти в США, оценили значение книжки Анатолия

Михайловича. Дома у Зимичева даже где-то хранилось лестное письмо за подписью Билла Клинтона.

Не будем, однако, тешить себя иллюзиями, что Билл Клинтон брал в руки русско-английский словарь и сам читал книгу «Психология политической борьбы». Короля, как всегда, играет свита. Именно какие-то лихие политтехнологи из свиты будущего американского президента посоветовали своему шефу написать автору интереснейшей книги, изданной в 1992 году в Киеве, одобрительное письмо.

Увы, сегодня, соглашаясь с Анатолием Михайловичем, мы должны честно признать, что существуют **технологии разрушения старых и создания новых этносов**. Этническое оружие стало одним из наиболее важных и действенных в системе гибридных войн. А они сегодня, по сути дела, терзают и Ближний Восток, и многие другие регионы мира. Этническое оружие было применено в некогда цветущей европейской стране — Югославии. Его пытаются применять и в Сирии, противопоставляя друг другу шиитов и суннитов, арабов и курдов. Не менее успешно оно было применено в Ираке. Но всё это должно побуждать нас лишь к одному: к огромному вниманию и уважению к той работе, которую проделал Анатолий Михайлович Зимичев. Жизнь его была отнюдь не простой. Он видел и теневые стороны бытия, в том числе тюремную, лагерную жизнь, где в уголовной среде люди часто ведут себя таким образом, который более всего напоминает взаимоотношения хищников в животном мире. И, тем не менее, Анатолий Михайлович до конца своих дней был добрым заботливым человеком, любящим и свою Родину, и тех людей, которые его окружали. И наш долг — бережно сохранять память об Анатолии Михайловиче Зимичеве не только потому, что ко многим из нас он хорошо относился. Зимичев был одним из глубочайших русских психологов, и поэтому наше профессиональное сообщество обязано не забывать ни его самого, ни его исследования в области политической психологии. Ведь Анатолий Михайлович дал нам воистину грозное и надёжное оружие. С помощью его книги «Психология политической борьбы» мы можем адекватно воспринимать многие явления, происходящие в современном мире, можем понимать, что этнические образования часто куда более хрупки, чем бы нам об этом хотелось думать. Более того, сегодня мы уже способны понимать, что есть сверхновые технологии создания агрессивных этносов, в том числе самого злокачественного свойства. Одним из таких этносов является ДАИШ, или ИГИЛ⁵, так называемое «исламское государство», которое имеет своей целью внести смуту в исламский мир, руинировать как можно большее число государств Ближнего Востока.

5 Данная террористическая организация запрещена в РФ.

ДОКЛАД ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА **В. Н. КОЛОТОВА**

НА ТЕМУ:

«СОЗДАНИЕ ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ С ЦЕЛЬЮ ПРОВЕДЕНИЯ УПРАВЛЯЕМОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ»

Настоящий доклад посвящён проблеме создания этно-конфессиональных противоречий с целью проведения управляемой региональной дестабилизации, которая будет проиллюстрирована на некоторых сюжетах из истории Вьетнама, в том числе и в контексте научных разработок А. М. Зимичева. Здесь можно задать

вопрос, а какая собственно польза от сравнительных исследований стран Востока и Запада, что нам может дать история Вьетнама для понимания исторических процессов на Западе? Проблема в том, что куклы могут быть разными, но кукловоды одни те же, и они используют одни и те же технологии для дестабилизации разных стран, поэтому часто получается так, что классического вторжения иностранных войск нет, а страны как бы сами по себе вдруг складываются изнутри. Разваливаются казавшиеся прочными режимы, и к власти приводятся марионеточные «правительства», которые в интересах внешних сил начинают проводить так называемые «реформы». К сожалению, подобного рода примеров мы видим много и на постсоветском пространстве, и в Восточной Европе, и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке, в том числе и в Юго-Восточной Азии. Во многих регионах Евразии сейчас разворачиваются трагические события, которые необходимо аналитически препарировать и обобщать.

Вот ставшая уже классической оригинальная схема А. М. Зимичева «мы/не мы», о которой говорил в своём докладе профессор А. Л. Вассоевич.

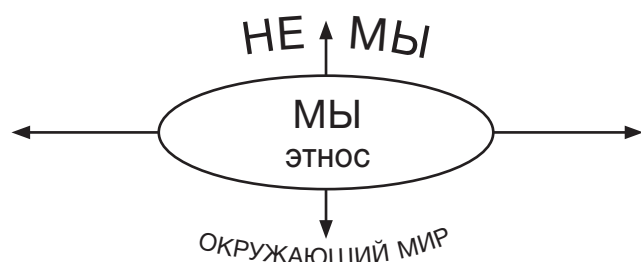

Рис. 1. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 55

При взгляде на данную схему вспоминается история политической борьбы во Вьетнаме, где ещё в начале XVII века европейские миссионеры в своей практической деятельности в феодальном Вьетнаме пользовались похожим подходом: они приступили к созданию нового этноса по религиозному признаку внутри уже существующего этноса. Позднее похожий подход использовался и французскими колонизаторами в целях раскола освободительного движения, тогда как лидер национально-освободительного движения Хо Ши Мин, наоборот, призывал народ к сплочению для восстановления государственности во время борьбы против французского колониального режима.

Если к схеме А. М. Зимичева «мы/не мы» применить трёхмерный подход, и посмотреть на неё как бы сбоку, то необходимо использовать другую схему того же автора, на которой более чётко видна структура этноса.

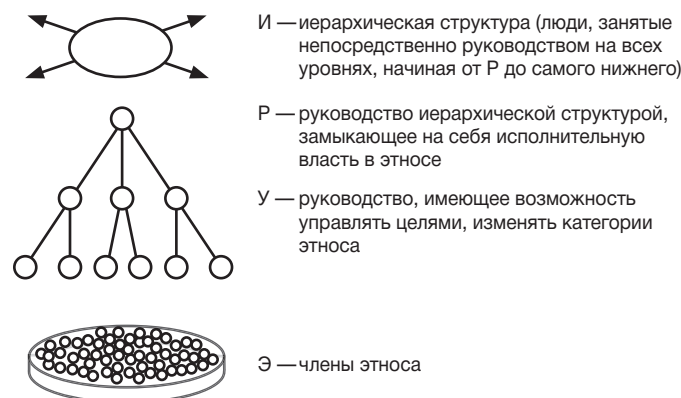

Рис. 2. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 136

Данная схема была опубликована в монографии А. М. Зимичева «Психология политической борьбы» в 1993 году. Подобный подход применялся во Вьетнаме католическими миссионерами, французскими колонизаторами и американскими империалистами, которые, «пуская корни» на новой почве, активно занимались продвижением во власти и культуре преимущественно чуждых основной массе населения и ориентировавшихся на них католиков. Кстати, даже после выдавливания Франции из Южного Вьетнама в 1954–55 годах, несмотря на пропаганду и публичные обещания демократических преобразований, все руководители проамериканских южновьетнамских марионеточных режимов были католиками, что в преимущественно буддийской стране ослабляло режим.

А. М. Зимичев полагал, что объединение по любому произвольно взятому признаку при определённых условиях может привести как к образованию нового этноса, так и к разрушению уже существующего.

Получается, что этносом может быть объединение людей по любому признаку, даже самому незначительному, если в результате этого происходит разделение на «Мы!» и «НЕ Мы!». Не абсурдно ли это? Ведь так можно взять любую мелочь и объявить, что она является основанием какого-то этноса. Можно ли, например, всерьез говорить о том, что существует этнос «Мы—в черных майках»?

Рис. 3. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 56

Попытка разрушения этноса	Попытка создания этноса
<p>Существует этнос «Мы — в черных майках». Если хотят его разрушить, то прежде всего прекращают внешнее противодействие, предлагают «черным» сотрудничать с другими. Предлагают попробовать поносить не только черную, а, например, зеленую майку. Часть людей соглашается и на собственном опыте убеждается, что это ничуть не хуже, а может быть, даже удобнее и т. д.</p> <p>Постепенно к этому приходят и остальные члены этноса (если только они не видели за этим внешним признаком его внутреннего содержания; это существует далеко не в каждом этносе). В результате, категория Истины уничтожена, заодно с ней — категория Красоты, потом доходит очередь до Добра и Изобилия. После этого этнос фактически не существует и бывших «черных» можно спокойно перебить поодиночке (обычно этого не делают, т. к. воюют не против людей, а против задач этноса).</p>	<p>Часть людей носит черные майки. Начинает пропагандироваться идея об их исключительности, или о том, что это по какой-то причине лучше (в данном случае это и есть идея, дающая жизнь этносу, т. е. категория Истины). Если «черных» среди всех остальных — меньшинство, то они будут испытывать противодействие окружающих (т. к. такая идея вызовет протест у всех, кто носит майки другого цвета). Чем сильнее будет конфликт, тем прочнее они сплотятся вокруг этой идеи. Появится категория Красоты, включающая черную майку в качестве униформы, Добра (нормы взаимоотношений между «черными»), Изобилия (их права и обязанности). На этапе формирования этих четырех категорий этнос «черных» можно сориентировать на любую задачу.</p>

Рис. 4. Источник: Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 64

Согласно взглядам А. М. Зимичева, речь шла о том, что использование той или иной униформы может служить катализатором формирования различного рода противоречий, которые могут быть использованы в политической борьбе. И вот через 13 лет после выхода этой книги в России в Королевстве Таиланд начались столкновения «краснорубашечников» и «желторубашечников». Конечно, А. М. Зимичев в своём примере говорил о людях в чёрных и в белых майках, но в данном случае цветом рубашек можно пренебречь, поскольку важен сам принцип. Как мы помним из истории, в уличных столкновениях в Таиланде фактически принимали участие люди, одетые в красные и жёлтые рубашки/майки. И, конечно же, в этих событиях самое активное участие принимали люди в зелёной военной форме. Так выдвинутая российским политологом идея активно используется в политической борьбе за власть в разных регионах мира.

В 1946 году, когда Вьетнам готовился вступить в Первую войну сопротивления (1946–1954) против французских колонизаторов, Хо Ши Мин под псевдонимом написал цикл статей, который был озаглавлен «Искусство войны Сунь-цзы»⁶. Таким образом он

перевёл и модернизировал известный трактат китайского генерала и стратега для того, чтобы в середине XX века подготовить вооружённые силы Вьетнама на теоретико-методологической основе VI века до нашей эры. Напомним, что Вьетнам в этой войне победил. В этом тексте отдельно выделены слова Сунь-цзы, которые Хо Ши Мин цитирует и подробно объясняет. Вот эта китайская формула: «知己知彼»⁷ — «познай себя — познай другого». А это одно из самых базовых определений идентичности, которые существуют, и именно подобная схема «я /он» или «мы/они» была применена и А. М. Зимичевым в формате: «Мы/не мы». Для того чтобы понять, кто есть «мы», мы должны понимать, кто есть «не мы», а для этого надо познать и нас, и их. Это одна из основных формул понимания общности и различий между нами и ими, и далее направление анализа общего и особенного строится именно на этой основе.

В своё время известный американский исследователь Самуэль Хантингтон — кстати, в том же 1993 году — написал свою всемирно известную статью «Столкновение цивилизаций?»⁸, которая потом, через три года, превратилась в книгу с похожим названием «Столкновение цивилизаций»⁹. Статья заканчивалась вопросительным знаком, а книга была издана уже без него.

Может быть, следующий вывод кому-то покажется крамольным, но Самуэль Хантингтон, по сути, с точки зрения определения этноса и идентичности, был сталинистом, о чём говорил профессор А. Л. Вассоевич. Хантингтон утверждал, что идентичность не может быть изменена. Именно так можно перевести его знаменитую цитату: «То, что дано, не подлежит изменению». В оригинале: «that is given cannot be changed»¹⁰, в то время как этносы, нации и религии погибают и рождаются постоянно. Более того, один из самых существенных параметров идентичности — религиозная идентичность. Самуэль Хантингтон блестяще показал, что она является более высокой идентичностью, чем этническая. Он привёл следующий пример. «Религия разделяет людей ещё более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полуфранцузом и полуарабом, и даже гражданином двух стран. Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином»¹¹. Однако те подходы, которые были сформулированы Хантингтоном, в частности, о неизменности религиозной идентичности, конечно же, подвергаются обоснованной критике.

7 Sun Tzu. The Art of War. URL: <https://ctext.org/art-of-war>.
 8 Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993, Summer. P. 27.
 9 Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.
 10 Ibid. P. 27.
 11 Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993, Summer. P. 27.

6 Hồ Chí Minh. Bình Pháp Tôn Tử // Toàn tập. Т. 4. Hà Nội: Nhà Xuất Bản Chính Trị Quốc Gia — Sự Thật, 2011. Tr. 358.

Для примера можно вспомнить эпоху колонизации Вьетнама. Если вооружённые силы Франции прибыли во Вьетнам и начали вооруженный захват в 1858 году, то духовное завоевание Вьетнама началось ещё в XVI веке, когда в страну прибыли первые европейские миссионеры, которые сразу же занялись изменением религиозной идентичности местного населения. И разница между теми вьетнамцами, которые стали католиками, и теми, которые остались буддистами, заключалась даже не в майках, поскольку это всего лишь внешнее проявление внутренних изменений, а во внедрённых в их сознание установках, от которых зависело, под чьим духовным управлением они находились. И когда в страну прибывал миссионер, он начинал, изменяя религиозную идентичность части населения, создавать не столько новый этнос, сколько основанное на новом этносе государство в государстве. Так появлялась новая структура, вокруг европейского миссионера группировались обращённые им восточные люди, которые противопоставлялись остальному этносу, и система организации гонений на них, кстати, была неотъемлемой частью формирования стабильных религиозных сообществ, поскольку до тех пор, пока не было гонений, миссионеров выслали, и религиозные сообщества распались; потом приезжал новый миссионер, опять обращал язычников, его опять выслали, а сообщества вновь распались. Для того, чтобы вырваться из этого «порочного круга», миссионеры приступили к провоцированию гонений, и тогда местные католики-вьетнамцы становились «чужими среди своих и своими среди чужих». На этой основе формировался новый этнос, и развивалось государство в государстве. И поэтому не стоит удивляться вопросу: «А каким образом французский экспедиционный корпус численностью в 3500 человек осмелился в середине XIX века напасть на десятиmillionный Вьетнам?» Дело в том, что к началу агрессии во Вьетнаме было уже почти 600 тысяч местных католиков, которые в этом конфликте, окрашенном в религиозные тона, воевали плечом к плечу с французами против вьетнамской королевской армии. Этот пример наглядно показывает, что религиозная идентичность изменяется в результате целенаправленной деятельности, в результате применения определённых психотехнологий, которые позволяют эти изменения проводить, и, разумеется, есть технологии, которые позволяют как бы «откатывать» эти изменения обратно. Таким образом, технологии изменения религиозной идентичности тесно связаны с национальной безопасностью и геополитикой.

Кстати, здесь вполне уместна цитата А. М. Зимичева: «Чем сильнее по отношению к ним будет внешняя агрессия, тем сильнее они сплотятся»¹². То есть

практически через 400 лет после того, как «гонения» были организованы католическими миссионерами во Вьетнаме, известный российский политолог также обратил внимание на один из фундаментальных принципов работы этой технологии, который активно используется и в наши дни на других театрах политической и военной борьбы.

Теперь необходимо сказать несколько слов о безопасности как продукте деятельности власти. На схеме слово «безопасность» написано на китайском языке (安全). Это два иероглифа: каждый состоит из двух графем, в первом случае — женщина под крышей, во втором — яшма/ценность под крышей. То есть безопасность, с точки зрения классического китайского восприятия, — это сохранность людских и материальных ресурсов.

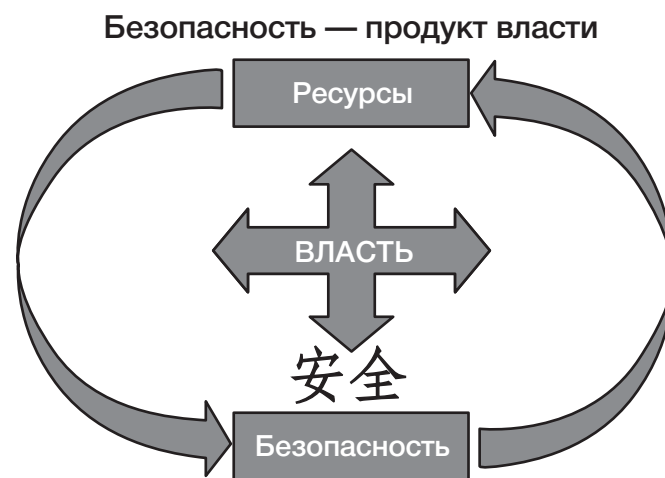

Рис. 5. Схема: Безопасность как управление человеческими и материальными ресурсами

Исходя из этой схемы, можно сделать вывод о том, что власть в ходе своей деятельности использует людские и материальные ресурсы, чтобы производить безопасность и обеспечивать воспроизводство. Нормальная власть должна работать подобным образом. Причём безопасность в данном случае понимается и в традиционном, и в нетрадиционном смысле, в том числе безопасность как сохранение идентичности тех, кто находится внутри круговорота ресурсов. Миссионеры встраивались в традиционную систему воспроизводства власти и использовали местные ресурсы для того, чтобы производить свою безопасность, а затем выбивали местные власти из этого круговорота людских и материальных ресурсов, заняв их место, и реализовывали свой проект на чужих ресурсах. Им позднее, конечно, помогали колонизаторы, оказывая мощную силовую поддержку. В случае изменения идентичности человеческих ресурсов вернуться в исходное состояние было невозможно, поскольку, захватив власть, миссионеры и колонизаторы обычно приступали к более жёсткому силовому обращению в католицизм

12 Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. С. 57.

местного населения, что стало важным фактором политической борьбы. Позднее силам национально-освободительного движения под руководством Хо Ши Мина, который использовал советские политехнологии, удалось выбить французов обратно из этого круга и восстановить подлинно суверенный Вьетнам в своих границах, но уже на другой идеологической основе.

В настоящее время в различных регионах мира мы видим подобные сюжеты, однако уже с использованием иных религиозных наполнителей, которые применяются в зависимости от конкретной страны.

«Конкретный наполнитель (буддизм, спиритизм, католицизм, ислам и пр.) технологического ноу-хау может меняться в зависимости от среды, в которой предполагается насадить новые религии. Он выполняет двоякую функцию. Во-первых, он нужен для маскировки и вживления искусственного образования в традиционную среду, для более качественного его камуфлирования, что позволяет представлять эти структуры в качестве модификаций традиционных религий. Во-вторых, наполнитель переключает внимание исследователя с изучения реальных причин появления религиозных сект на не имеющие отношения к существу проблемы сюжеты и уводит в дебри религиозной и псевдорелигиозной теологии. Все эти меры позволяют скрывать истинную роль и цели существования религиозных сект в качестве основных структурных элементов системы управления конфликтом.

При этом сами по себе традиционные религии: буддизм, католицизм и прочие — не имеют к используемому наполнителю никакого отношения. Элементы доктрин традиционных религий, встречающиеся в писаниях новых религий, не свидетельствуют о наличии «генетических связей» между ними. Так что же следует изучать: технологии, в соответствии с которыми эти религии создаются, или наполнители, которые скрывают реальную систему управления?»¹³

В этой связи хотелось бы обратить внимание на технологии организации управляемой региональной дестабилизации. Этот процесс начинается с прибытия подготовленных миссионеров (как традиционной, так и нетрадиционной конфессии или так называемых сект, у которых, в отличие от традиционных религий, нет вообще никаких ограничений морального плана). Далее миссионеры создают стабильные религиозные сообщества (во Вьетнаме важную роль сыграли катехисты, которые читали катехизис в период отсутствия европейских миссионеров) и готовят мучеников, ликвидация которых обеспечивает необратимость изменения религиозной идентично-

сти. Введение неопитов в состояние кризиса идентичности, чем занимались миссионеры, позволяло создавать очень компактные, но очень хорошо организованные, политически активные и управляемые религиозные сообщества, которые использовались в геополитических целях. Далее шла организация гонений для обеспечения необратимости изменения религиозной идентичности, и в регионе или в стране происходила дестабилизация внутривнутриполитической ситуации. А затем на подготовленной почве началась уже открытая колонизация. В настоящее время этот процесс называется более политкорректно: гуманитарная интервенция. Подобные процессы в наши дни можно наблюдать в разных регионах мира; это та же самая технология времён колонизации, которая была модернизирована. Местные конвертиты как тогда, так и сейчас используются в качестве пушечного мяса, что для наших западных партнёров очень эффективно. Кстати, в настоящее время основной особенностью гибридных войн являются так называемые прокси-войны, когда геополитические партнёры предпочитают воевать чужими руками, то есть руками обращённых в иную веру представителей местного населения, поскольку к таким потерям кукловоды совершенно не чувствительны. Им неважно, сколько они потеряют тысяч или миллионов, условно говоря, игиловцев или бендеровцев. Это местное пушечное мясо, которое заменяет западные силы в региональных конфликтах разной степени интенсивности. Их задача — перенос нестабильности из одного региона в другой. И этот нюанс нужно очень хорошо понимать при разработке контрстратегий ведения гибридных войн, причём впервые эта схема на высоком профессиональном уровне была применена во Вьетнаме. Она использовалась и в XVII веке, а к середине века XVIII уже была вполне рабочей и активно применялась в процессе колониального захвата Вьетнама очень компактными силами. Большая часть процессов управляемой региональной дестабилизации разворачивается в наши дни в Евразии, где именно на этой основе выстроена система дуг нестабильности.

Данная технология — от высадки первого миссионера до смены режима в целом — работает следующим образом. В результате информационно-психологического воздействия происходит изменение религиозной идентичности, далее идёт провоцирование конфликтов с властями, организовываются гонения, что приводит к созданию религиозных сообществ. Далее происходит ликвидация «духовных лидеров» (имеется в виду, конечно же, местных, неевропейских), появляются институты местных полевых командиров, которые в борьбе с властями за ресурсы дестабилизируют регион. Далее происходит управляемая региональная дестабилизация. От первых католических поселений во Вьетнаме до современного

13 Колотов В.Н. Классические религиоведческие методики и изучение новых религий: опыт политологического анализа на примере Вьетнама // Религиоведение № 4. 2005

ИГ¹⁴ или ДАИШ мы видим именно эту технологию, но с разным религиозным наполнителем. Далее происходит гуманитарная интервенция и установление марионеточного режима, который в случае организованного сильного сопротивления опять опирается на полевых командиров, и происходит управляемая региональная дестабилизация. В наши дни аналогичная схема работает во многих частях Евразии, и в данном случае неопиты являются послушным инструментом в чужих руках, пушечным мясом в чужих геополитических проектах. Причём манипулирование ими идёт на уровне эмоций, что позволяет скрывать от непосредственных участников логику процесса.

Обобщая известные данные об организации управляемой региональной дестабилизации (УРД) на религиозной основе, можно предложить следующую технологию реализации данного процесса.

Технология организации УРД

1. Изменение религиозной идентичности (ИРИ) (язык, культура, катехизис).
2. Создание стабильных религиозных сообществ (РС) (катехисты, мученики, кризис идентичности).
3. Организация «гонений» с целью обеспечения необратимости ИРИ, ликвидация местных «духовных лидеров» и подготовка полевых командиров, что приводит к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране-жертве.
4. Гуманитарная интервенция (колонизация), в ходе которой местные неопиты/конвертиты используются в качестве пушечного мяса для реализации чужого геополитического проекта на заранее подготовленной территории.

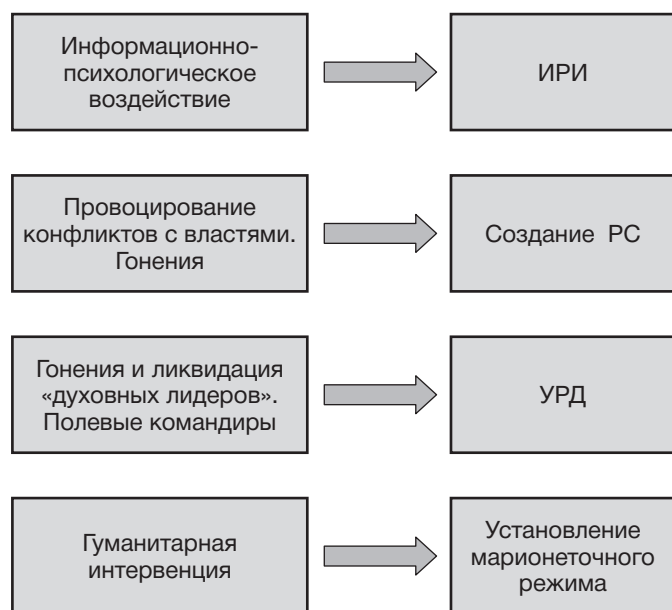

Рис. 6. Схема: Этапы проведения управляемой региональной дестабилизации

На данной схеме показана технология УРД. Эта технология может использоваться для создания или, наоборот, дезинтеграции этно-конфессиональных образований, которые при благоприятных условиях могут развиваться, либо, наоборот, распасться. На постсоветском пространстве в изобилии происходят подобные процессы, однако достойного противодействия со стороны государственных органов, к сожалению, пока не видно. Данный феномен необходимо изучать для того, чтобы разрабатывать эффективные стратегии противостояния. Подготовленные по одной и той же схеме деструктивные процессы реализуются то в одном, то в другом регионе.

Отдельного внимания заслуживает проблема латинизации письменности. В этом году исполняется ровно 100 лет с тех пор, как французские колонизаторы отменили во Вьетнаме исторически сложившуюся иероглифику и ввели во всеобщее употребление разработанную миссионерами латинизированную письменность. Это было сделано вскоре после Синхайской революции 1911 года в Китае, когда во Вьетнам на китайском языке стала проникать подрывная с точки зрения колониального режима литература. В то время иероглифический текст на китайском понимал любой образованный вьетнамец. Реформа письменности позволила вырвать Вьетнам из конфуцианского культурного ареала, частью которого он всегда был. Это старая колониальная политика. Именно эту политику мы видим и в Восточной Европе, и на постсоветском пространстве. Сейчас к ней уже подключены Сербия, Украина, Казахстан и далее по списку. Ничего нового в этом нет. И очень жаль, что на постсоветском пространстве нет адекватного понимания направленности этих дезинтеграционных процессов. Такая переориентация, как правило, выходит боком, и об этом писал, кстати, Самуэль Хантингтон в своей монографии, в которой ввёл понятие «расколотых» и «разорванных» стран¹⁵. Религиозный фактор очень грамотно используется для того, чтобы эти страны ослаблять и в ослабленном виде использовать их в качестве инструмента воздействия в отношении более широких геополитических пространств. Поэтому миссионеры в Азии проводили изменение религиозной идентичности: страну-жертву превращали сначала, по определению Хантингтона, в «расколотую», а затем и в «разорванную», чтобы её не только ослабить, но и «расколоть», а затем и «разорвать». Распространение католицизма рассматривалось как необходимая мера для обеспечения стабильности и долговечности установленного колониального режима, но они не смогли полностью обратить Вьетнам в католицизм, однако корни пустили там глубокие, и теперь без боли эту проблему не решить.

14 Данная террористическая организация запрещена в РФ.

15 Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 138.

Поэтому в заключение хотелось бы подчеркнуть, что только изучение технологий управляемой региональной дестабилизации позволяет разработать контртехнологии по их нейтрализации. Логически другого пути нет, без знания законов политической психологии, в соответствии с которыми идёт формирование как новых этносов, так и религиозных сообществ, победить в современной гибридной войне, где такие сообщества играют роль безмозглой пехоты, невозможно, но у нас есть все силы и ресурсы для того, чтобы добиться победы. И научное наследие А. М. Зимичева будет надёжной опорой в научной работе и в нашей борьбе.

Доклад главного советника департамента по вопросам внутренней политики аппарата полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе

В. Б. УГРЮМОВА на тему:
«Флаг как яблоко раздора»

9 мая 2017 года в ходе шествия «Бессмертного полка» в Санкт-Петербурге под аркой Главного штаба встретились армянская и азербайджанская роты. И всё могло бы закончиться благополучно, если бы в руках молодых армян не оказался флаг непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. В результате несколько человек получили травмы.

Возникает вопрос: а какое отношение Нагорно-Карабахская автономная область, у которой в годы войны не было ни своего флага, ни других признаков суверенного государства, имеет к празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне? И мы сразу понимаем, что эти молодые люди пришли на шествие не вспоминать своих героических предков, защищавших общую Советскую Родину, — они пришли с иными намерениями.

Сейчас, в эти дни, в одном из наших северных городов муниципальная администрация в ходе обсуждения с национально-культурными автономиями организации «Бессмертного полка» этого года мягко всех попросила: дорогие друзья, давайте мы пойдём на шествие с портретами наших героических дедов, отцов и обойдёмся без национальных флагов тех государств, к которым вы себя относите по этнической принадлежности. Без азербайджанского, армянского, молдавского, казахского флагов. По одной простой причине: наши предки воевали под одним флагом — советским.

Согласились всё, кроме грузинской общины. Именно ей было нужно обязательно пройти по улицам этого северного города под флагом государства, армия которого была позорно бита десять лет назад российской армией.

О чём говорят эти примеры? О том, что флаг является важнейшим символическим воплощением этнического начала. Более того, этот символ сам стал одним из инструментов формирования новых этносов и этнических общностей. Потому что те же аквилы и сигнумы римских легионов имели исключительно военно-организационное значение. Да, они обретали сакральный смысл, но только для легионеров, которые под ними ходили, поскольку под этими знаками было пролито много легионерской крови. Но значки и штандарты римских легионов не были государственными флагами Римской империи. Условно у Римской империи был только герб в виде знакомого всем изображения орла.

Средневековые флаги в подавляющем большинстве случаев — это знаки суверенитета правителей, как сюзеренов, так и вассалов. Это не флаги государств. Это штандарты, принадлежавшие владельцам и суверенам территорий, но не символы самих этих территорий. И феодальные армии, собиравшиеся из вассальных войск, шли в бой под разными флагами во главе с флагом короля или императора.

Государственные же флаги в привычном для нас смысле появились примерно к XVII веку с созданием уже национальных государств, преодолевших так называемую феодальную раздробленность. На долгий период понятия «государственный флаг» и «национальный флаг» стали синонимами. При этом во многих государствах флаги бывших самостоятельных образований плавно перетекли в символы регионов.

В конце XIX — начале XX веков свои символы в виде флагов стали появляться у политических движений и партий. Даже принципиальные противники государства анархисты избрали своим символом чёрное полотнище.

Во второй же половине XX столетия появилась новая тенденция, которую мы смело можно назвать иллюстрацией к теории Анатолия Михайловича Зимичева. Наряду с флагами государств и армий своими символами стали обзаводиться сначала корпорации, а затем неформализованные экстерриториальные движения, социальные группы и отдельные этнические общности, то есть неинституциональные образования.

Например, в 1971 году на Всемирном конгрессе в Лондоне свой флаг утвердили цыгане. Казалось, уж кто как не цыгане настроены более чем агосударственно, то есть против всяких признаков государства, даже анархистам не снилась такая степень отрицания, и, тем не менее, цыгане создали свой флаг и даже написали гимн. Тем самым, невзирая

на разницу в языках, они обозначили свою этническую общность независимо от страны проживания. И тем самым они обозначили своё обособление от стран проживания.

1978 год подарил нам ещё одно необычное проявление социальной визуальной маркеризации: свой общий символ утвердили представители сексуальных меньшинств. Это экстерриториальное, неформальное, неполитическое и незарегистрированное социальное движение носит уже надгосударственный характер, оказывает мощное влияние на общественную мораль, законодательство и социальные настроения во многих странах.

В новейшей истории России явление социальной визуальной маркеризации также существует и развивается. Во-первых, с 1991 года своими гербами и флагами стали обзаводиться не только все национально-государственные образования, то есть республики в составе Федерации, но и административно-территориальные образования (области), а затем и получившие самостоятельность муниципальные образования. И если в отношении условно русских муниципалитетов и областей этот процесс носит характер местного патриотизма и в целом безобиден, то в отношении некоторых национальных республик учреждение собственных государственных символов стало проявлением и одновременно стимулятором далеко идущей этнической мобилизации. Всем хорошо известны примеры «парада суверенитетов», об этом не раз говорил Президент России. Мы понимаем, что для представителей титульных этносов республик флаг — это не просто один из символов территориального образования, это маркер некоей «особости» и отдельности от других.

Во-вторых, в России свои флаги стали появляться у этнических общностей, не имеющих своих национально-государственных образований. Так, мало кто знает, что свои флаги придумали такие коренные малочисленные народы, как вожане и ижоры, живущие в Ленинградской области, и вепсы, проживающие в трёх регионах Северо-Запада. Карельские этнические лоббисты используют в качестве так называемого народного символа флаг «Ухтинской республики» — существовавшего на севере Карелии в 1918–20-м годах сепаратистского образования. При этом, как известно, Карелия обладает своим государственным флагом. Финно-ингерманландская национально-культурная автономия избрала своим флагом государственный символ так называемой «республики Кирьясало», или Северной Ингрии, воевавшей против Советской России. При этом автономия протестует против использования своего флага откровенными сепаратистами из оппозиционного движения «Свободная Ингрия». Так понятие «национальный флаг» начало обретать в наши дни новое значение, в чём очень заинтересованы этнические лоббисты и сепаратисты.

Наконец, несколько лет назад анонимные активисты предложили в интернете поменять государственный флаг Республики Коми с сегодняшнего сине-зелёно-белого триколора на полотнище с протестантским крестом, как у северных государств Европы.

Такое внимание к символическому оформлению со стороны людей, чья деятельность по этнической мобилизации отдельных народов объективно может привести к дезинтеграции такого суперэтноса, как российская нация, конечно, не случайно. При управляемой региональной дестабилизации и этнической дезинтеграции символизация будет происходить неизбежно. И очень часто она будет опережать начало этого процесса.

Если стоит задача цивилизационной перекодировки целого этноса или нации, одним из базовых мероприятий всегда становится смена государственного флага. Все бывшие республики СССР, кроме Белоруссии, отказались от своих государственных символов советского периода.

Поэтому А. М. Зимичев своим примером с чёрными майками гениально предсказал, что одна из наиболее эффективных технологий этнического перекодирования будет заключаться в изменении цвета.

ДОКЛАД ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА И ИСТОРИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВОСТОЧНОЙ АКАДЕМИИ, КАНДИДАТА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК
ХАЛЕДА ЭЛЬ-АШКАР НА ТЕМУ:
«ЭТАПЫ РАЗРУШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ»

Наблюдателю за событиями, происходящими на Ближнем Востоке, кажется, что там на протяжении веков идёт нескончаемая война между разными религиозными и национальными концессиями. На самом же деле люди там жили мирно веками, пока внешние силы не вмешались во внутренние дела региона и не

начали его раздел, исходя из своих геополитических интересов. Прежде чем мы перейдём к анализу того, как колонизаторам удалось разделить этот регион на сферы влияния и создать в нём «горячие точки» и «бомбы замедленного действия», которые начали взрываться в последнее время, необходимо дать понять читателю, какие представители каких конфессий живут на Ближнем Востоке сейчас и какие жили до прихода колонизаторов.

Известно, что Ближний Восток и Северная Африка до начала XIX века входили в состав Османской империи. Первая попытка завоевать регион была предпринята Наполеоном в 1798 году, но она закончилась крахом, и французы были вынуждены покинуть его в 1801 году. Вскоре, в 1830 году, они повторили попытку и начали завоевать Северную Африку, и на этот раз им это удалось: они фактически контролировали её до 1912 года. Более подробно этот регион мы анализировать не будем, так как обстановка в этой части арабского мира стабильная и менее пёстрая в конфессиональном плане. В Северной Африке живут в основном арабы-сунниты, хотя коренные жители этого региона — берберы. Но в VIII веке, во время арабской колонизации региона, они приняли ислам и слились в арабскую нацию, потеряв при этом свой язык и свою культуру. Но нас интересует, в первую очередь, конфессиональная ситуация в арабских странах, где существуют очаги напряжённости. Начнём с анализа конфессий Египта.

По данным МВД Египта, в 2012 году население страны составляло 82,336 миллионов человек и распределялось следующим образом: арабы-мусульмане (сунниты) — 77,849 млн чел. (94,55%¹⁶); копты православные — 4,487 млн чел. (5,45%).

Однако Коптская Православная церковь в том же году объявила о том, что в Египте живут от 15 до 18 миллионов коптов, что составляет от 16% до 18% численности населения страны. Трудно поверить этим данным потому, что в то время в Египте правила партия «Братья мусульмане» и в их интересах было изменить статистику, а точнее, сократить процентное соотношение христиан в стране, чтобы последние не претендовали на какие-либо права в управлении государством. Также нельзя доверять статистике коптов, потому что они стремились к обратному. В этой связи является целесообразным принять во внимание другой независимый источник: — по данным британского теле- и радиовещания BBC, население Египта в 2017 году составляло около 104 миллиона человек (из них 12% составили копты, остальные — мусульмане-сунниты).

В начале XX века ситуация складывалась по-другому. Тогда население Египта, согласно официальной переписи 1917 года, составляло 12,718 миллиона человек и распределялось следующим образом: арабы-мусульмане (сунниты) — 11,624 млн чел. (91,4%); копты — 1,026 млн чел. (8%); иудеи — 0,068 млн чел. (0,6%).

Если сравнить показатели 1917 и 2017 годов, видно, что за 100 лет население страны сильно увеличилось, но при этом процентный состав конфессий внутри общества приблизительно сохранился.

Теперь рассмотрим другую арабскую страну, которая является основным очагом напряжённости на Ближнем Востоке на протяжении уже более ста лет, — Палестину. Население Палестины в 1896 году составляло 640 тысяч человек и распределялось таким образом: арабы-мусульмане (сунниты) — 517 тыс. чел. (80,8%); арабы-христиане разных конфессий — 73 тыс. чел. (11,4%); арабы-иудеи — 50 тыс. чел. (7,8%).

За короткий срок в результате еврейской миграции из Восточной Европы при помощи английских колонизаторов, которые имели контроль над Палестиной после Первой Мировой войны, сильно изменилась этническо-конфессиональная картина региона. Таким образом, на примере Палестины становится очевидным, насколько сильно может измениться процентное соотношение конфессий в результате влияния внешних факторов.

Итак, в 1948 году, накануне образования государства Израиль, население Палестины составляло 2,065 миллиона человек и распределялось таким образом: арабы-мусульмане и христиане, а также, возможно, арабы-иудеи — 1,415 млн чел. (68,5%); еврейские иммигранты из Европы — 0,650 млн чел. (31,5%).

Можно сравнить эти данные с данными 1896 года, и сразу становится очевидна разница между ними за столь короткий срок.

Теперь посмотрим, что произошло с Палестиной и с её народом за 100 лет в результате внешнего вмешательства. В настоящее время на территории Палестины существуют два государства: Израиль и Палестинская автономия. Вторая, в свою очередь, разделена на два анклава — Западный берег реки Иордан и Сектор Газа. Конфессиональное соотношение в этих двух государствах распределяется следующим образом.

В Израиле, по данным центральной комиссии по переписи населения от 13.05.2018, живут 8,8 миллиона человек, из них: евреи — 6,5 млн чел. (74%); арабы-мусульмане и христиане — 1,8 млн чел. (20,9%); представители разных национальностей — 0,5 млн чел. (5,1%).

В Палестинской автономии (Западный берег реки Иордан), по данным центральной комиссии по переписи и изучению численности населения палестинской автономии, в 2016 году на территории автономии жили 2,93 миллиона человек и были распределены таким образом: арабы-мусульмане (сунниты) — 2,85 млн чел. (97,5%); арабы-христиане разных конфессий — 0,073 млн чел. (2,5%).

На территории Сектора Газа, по данным той же комиссии, в 2016 году жили 1,88 миллиона человек, в основном, мусульмане-сунниты.

Стоит отметить, что в результате арабо-израильской войны 1948 года и образования Израиля, Палестину покинули около 0,9 миллиона человек из 1,4 миллиона (см. выше) проживающих там накануне войны.

¹⁶ Здесь и далее в скобках приведены данные в процентах от общей численности населения страны.

В настоящее время за пределами Палестины вынуждены жить около 6,15 миллиона палестинцев.

Направляемся теперь на север, в Ливан, одну из самых маленьких арабских стран с территорией около 10 тысяч квадратных километров. Эта страна славится тем, что в ней живут представители практически всех конфессий Ближнего Востока. Однако сейчас мы акцентируем внимание на анализе самых больших религиозных групп, ибо детальному анализу всей конфессиональной картины Ливана необходимо посвятить отдельную работу.

Достоверных данных о населении Ливана в начале XX века нет, так как его территория ограничивалась только горной частью; прибрежная часть и долина Аль-Бекаа принадлежали «вилаям Дамаск и Акка» в Османской империи. Ливан имеет нынешнюю территорию с 1920 года, когда французский генерал-губернатор Сирии Гиго объявил о создании великого Ливана, добавив к нему указанные территории. Поэтому первую перепись населения в Ливане проводили французы в 1932 году. Результаты переписи показали, что в Ливане на тот момент проживало 0,875 миллиона человек и распределялось это население таким образом: христиане-марониты — 0,263 млн чел. (30%); другие христиане — 0,140 млн чел. (16%); мусульмане-сунниты — 0,210 млн чел. (24%); мусульмане-шииты — 0,180 млн чел. (20%); мусульмане-друзы — 0,061 млн чел. (7%); представители других конфессий — 0,022 млн чел. (2,5%).

Это была единственная официальная перепись населения за всю историю Ливана; в настоящее время нет точных данных о численности населения страны. Единственный источник, который удалось найти, — это книга фактов, публикуемая ЦРУ. По её данным, население Ливана в 2017 году составляло 6,3 миллиона человек и распределялось таким образом: марониты — 1,308 млн чел. (21%); другие христиане — 1,213 млн чел. (19,5%); сунниты — 1,68 млн чел. (27%); шииты — 1,68 млн чел. (27%); друзы — 0,349 млн чел. (5,6%).

Сравнивая данные 1932 и 2017 годов, можно заметить, что численность мусульман в Ливане увеличилась и продолжает увеличиваться. Этот рост процентного соотношения мусульман и представителей других конфессий и создаёт очаги напряжённости в стране, которые мы будем рассматривать ниже.

Что же касается Сирии, то на декабрь 2017 года население этой страны составляло 18,908 миллиона человек, из них: сунниты — 13,992 млн чел. (74%); алавиты + шииты — 2,458 млн чел. (13%); друзы — 0,567 млн чел. (3%).

Стоит отметить, что по национальным признакам арабы составляют 90,3% населения страны, курды — 6%, остальные 3,7% принадлежат другим национальностям: армяне, туркмены, арамиты, ассирийцы и др.

В 1934 году в Сирии под контролем французов была проведена официальная перепись населения, и, по её данным, тогда на территории этой страны проживало 1,8346 миллиона человек. Разделение на религиозные группы в процентном соотношении было примерно равно данным за 2017 год.

Согласно книге (fact-book), население Ирака на июль 2017 года составляло 39,192 миллиона человек и распределялось таким образом: арабы-сунниты и арабы-шииты — 30,374 млн чел. (77,5%); курды — 6,859 млн чел. (17,5%); представители других национальностей — 1,960 млн чел. (5%).

Если смотреть по религиозным признакам, то мы имеем следующую статистику: мусульмане-шииты — 26,063 млн чел. (66,5%); мусульмане-сунниты — 12,346 млн чел. (31,5%); христиане разных конфессий — 0,391 млн чел. (1%); исповедующие другие религии — 0,391 млн чел. (1%).

Нет данных о численности населения Ирака накануне Первой Мировой войны, так как он находился в составе Османской империи, как и остальные арабские страны. Первая официальная перепись проводилась иракским государством в 1920 году и показала, что численность населения составляла 2,849 миллиона человек и распределилась по религиозным признакам таким образом: мусульмане-шииты — 1,493 млн чел. (52,4%); мусульмане-сунниты — 1,140 млн чел. (40,4%); иудеи — 0,8832 млн чел. (3,1%); христиане — 0,8 млн чел. (2,8%).

Как мы видим, в Ираке в начале XX века жили иудеи, и их численность была больше численности христиан, но они были вынуждены покинуть страну в результате погромов со стороны мусульман после образования государства Израиль, которые произошли в результате внешней провокации и вмешательства. Эта тема также достойна отдельной работы.

Ещё одна «горячая точка» на Ближнем Востоке — это Йемен. Нет никаких данных о численности населения в этой стране накануне Первой мировой войны, так как она была разделена тогда на две части: южную часть, которая находилась под контролем англичан, и северную, в виде автономии в составе Османской империи, которая называлась «Имамат». Только в 1990 году двум частям Йемена удалось объединиться в одно государство. В настоящее время в Йемене живут 28,037 миллиона человек и делятся на мусульман-суннитов — 18,224 млн чел. (65%); мусульман-шиитов — 9,812 млн чел. (35%).

Между ними в настоящее время идёт гражданская война, где Саудовская Аравия поддерживает суннитов, а Иран — шиитов.

Теперь, после краткого обзора «горячих точек» Ближнего Востока, понимания принадлежности населения к тем или иным религиозным группам и конфессиям этого региона, в том числе, и в процентном

соотношении, мы можем перейти к дальнейшему анализу разрушения межэтнического согласия на Ближнем Востоке.

Как уже отмечалось, представители разных конфессий жили довольно мирно вплоть до внешнего вмешательства, которое произошло после окончания Первой мировой войны, когда регион был разделён на сферы влияния великих держав. В 1916 году был подписан секретный договор между Великобританией, Францией и Российской империей о разделе Османской империи после окончания войны. Он вошёл в историю под названием «Сайкс-Пико». В соответствии с данным договором Великобритания должна была иметь мандат над Палестиной и Ираком, Франция — над Сирией и современным Ливаном, а Россия — над проливами. Этот договор рассекретили большевики в 1917 году, и, когда Россия вышла из войны, англичане и французы разделили регион между собой и стали действовать на оккупированных территориях исходя из своих геополитических интересов, что привело к разрушению межэтнических отношений, нарушению баланса между конфессиями в регионе и разжиганию гражданских и прочих войн. Это разрушение произошло в 4 этапа.

Первый этап «прямой колонизации и составления новой карты региона»

Этот период продолжался с 1917 по 1948 годы. В это время создавались новые государства и вырисовывались текущие границы между ними; в этих государствах создавались новые конфессии и нарушался баланс между старыми. Почему же данный этап начинается с 1917 года?

1917 год ознаменовался для арабских государств началом основного и самого продолжительного конфликта на Ближнем Востоке — арабо-израильского. Известно, что конфликт начался с декларации министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура от 2 ноября 1917 года, которую он направил лорду Ротшильду, представителю британской еврейской общины, о создании в Палестине «очага для еврейского народа», то есть еврейского государства. Декларация вызвала негативную реакцию в арабском мире, и начались погромы против еврейских поселенцев, которые начали прибывать в Палестину из Европы ещё в конце XIX века. Так начался арабо-израильский конфликт, который продолжается до сих пор.

Как и у англичан, у французов были свои планы в регионе, которые заключались в создании христианского, а именно маронитского, государства в Ливане, и с первых дней своего мандата над Сирией, который Франция получила в 1920 году после подписания Севрского мирного договора с Османской империей, они начали работать над выполнением

этого плана. В том же году французский генерал Анри Гур (генерал-губернатор Сирии) объявил о создании великого Ливана, присоединив к нему долину Аль-Бикаа и прибрежную территорию с центром в Бейруте, отняв их у Сирии. Затем в 1926 году они создали конституцию, в которой очень широкие полномочия были отданы президенту, избираемому парламентом. Президент непременно должен быть маронитом, премьер-министр — суннитом, а председатель парламента — шиитом. Эта конституция существует в Ливане до сих пор, и попытки внести в неё поправки привели к двум гражданским войнам в 1958 и в 1975 годах. Как указано выше, конфессиональная ситуация давно изменилась, большинство населения — это арабы-сунниты и шииты, также периодически враждующие между собой. Таким образом, ситуация в регионе остаётся крайне напряжённой и в любой момент может закончиться взрывом недовольства и очередной гражданской войной.

Ливан, как и Сирия, находился под французским мандатом. В Сирии французы действовали по-другому. После того, как им не удалось разделить христиан и мусульман в борьбе против захватчиков, они отняли часть страны и отдали её туркам (18 тыс. кв. км) в 1937 году в соответствии с договором, который был подписан между ними. Этот пограничный конфликт между двумя странами продолжался вплоть до начала гражданской войны в Сирии в 2011 году.

Теперь посмотрим, как англичане действовали в Ираке, перед тем как покинуть его в 1932 году. Они оставили властям нерешённую курдскую проблему и спорный территориальный вопрос с Ираном (провинция Арабустан), которые привели к серии войн между ними. Что же касается Египта, англичане ушли оттуда в 1956 году, а перед своим уходом они отделили Судан и присоединили к последнему провинцию Халаеб. Этот спорный вопрос не решён до сих пор.

Конечно, самая большая катастрофа для региона произошла в 1948 году, и связана она была с образованием государства Израиль, что привело к серии войн между ним и соседними арабскими странами и возникновением конфликта, который продолжается до сих пор. Поэтому первый этап разрушения межэтнических отношений заканчивается с образованием израильского государства в 1948 году.

Второй этап: Арабо-Израильские войны (1948–1974 гг.)

За этот период произошли четыре кровавые войны между арабскими странами и Израилем. Первая война произошла в 1948 году, и она называлась войной за независимость Израиля, или «скорбной войной» у арабов. В ходе этой войны государство Израиль сгруппировалось на 75% территории Палестины,

и около 900 тысяч палестинцев были вынуждены переселиться в соседние арабские страны.

Вторая война 1956 года вошла в историю как «Суэцкий кризис», который произошёл после того, как президент Египта Гамаль Абед Аль Насер национализировал Суэцкий канал. В ответ Великобритания, Франция и Израиль напали на Египет; Израиль завоевал Синайский полуостров, но под давлением международного сообщества был вынужден покинуть оккупированные территории в марте 1957 года. Достоверных данных о потерях в ходе этой войны нет.

Третья война 1967 года, или «шестидневная война», в ходе которой Израиль завоевал оставшуюся, то есть западную, часть Палестины, берег реки Иордан и Сектор Газа, а также Синайский полуостров у Египта и Голанские высоты — у Сирии. Потери в этой войне составили около 800 израильтян и более 20 тысяч арабов.

Четвёртая война 1973 года, или война «судного дня», произошла 6 октября 1973 года. Египет и Сирия напали на Израиль; целью их было освободить захваченные в 1967 году территории. В ходе этой войны Египту удалось вернуть контроль над Суэцким каналом и частью Синайского полуострова, а Сирии — часть Голанских высот. Потери в этой войне составили: у Израиля — 2,7 тысячи погибших, у арабов — около 9 тысяч.

Третий этап разрушения государственного строя стран региона (1974–2011 гг.)

В ходе войны 1973 года арабские страны — экспортёры нефти, по инициативе короля Саудовской Аравии Файсала Бен Аделя Азиза в ответ на его поддержку Израиля, приняли решение о прекращении экспорта нефти в Европу и в США, что привело к энергетическому кризису в Европе зимой 1974 года. Тогда западной коалиции стало ясно, что арабы в случае сплочения между собой в состоянии доставить ей большие хлопоты. В этой связи был разработан план, который препятствовал этому сближению. Частью стратегии было разрушение государственного строя стран ближневосточного региона путём разжигания гражданских войн или войн между соседними странами из-за спорных пограничных территорий.

План начал действовать быстро. 26 марта 1975 года король Файсал был убит своим племянником в резиденции в Эль Риаде. Затем, в апреле того же года, началась гражданская война в Ливане, в которую вмешались Израиль, Сирия и Организация освобождения Палестины (ООП). Война в Ливане продолжалась до 1990 года. Результатом её стал уход ООП из Ливана и уничтожение её структуры, а также ослабление Сирии и разрушение Ливана и его экономики. Важно понимать, что на тот момент Ливан считался одной из самых развитых стран в регионе,

«жемчужиной» Востока. Человеческие потери были огромными: только Ливан потерял 162 тысячи погибшими и более 200 тысяч ранеными, то есть более 8% всего населения.

Очень важное событие произошло на Ближнем Востоке в 1979 году. Это исламская революция в Иране. Известно, что она с первых дней провозглашала антизападные лозунги, но Запад закрывал на это глаза, тем более, что именно на Западе скрывались её лидеры (духовный лидер революции Аятуллах Хумейни жил в Париже). В связи с этим можно заключить, что у западной коалиции был свой план по отношению к этой революции, и он заключался не во вмешательстве, а скорее в том, чтобы дать возможность победить революции, пожертвовав при этом своим главным союзником в регионе после Израиля — иранским шахом. Это было необходимо для того, чтобы потом создать из шиитского Ирана искусственного врага для арабского суннитского мира, поднять волну исламского экстремизма и разжечь гражданские войны между суннитами и шиитами в регионе, а также создать две противоборствующие значимые силы на Ближнем Востоке — Иран и Израиль.

На этот раз результат не потребовал долгого ожидания: после победы исламской революции в Иране в феврале 1979 года Саддам Хусейн при поддержке и финансировании стран Персидского залива и не без указания США объявил Ирану войну в сентябре 1980 года. Причиной стала спорная территория, то есть провинция Арабустан. Война продолжалась 8 лет и закончилась в августе 1988 года. Потери сторон в ходе военных действий составили: с иракской стороны 340 тысяч убитых и более 700 тысяч раненых, с иранской — 730 тысяч убитых и 1,2 миллиона раненых. Кроме того, эта война привела к уничтожению экономик двух стран.

За первой войной в Персидском заливе последовала вторая, когда Саддам Хусейн захватил Кувейт и аннексировал его как девятнадцатую провинцию Ирака. Причиной войны послужил пограничный спор между этими двумя государствами. На самом деле это был лозунг со стороны Хусейна, потому что он хотел овладеть Кувейтом в качестве компенсации за свои экономические и человеческие потери в войне с Ираном. Американцы заранее знали о его намерении, но молчали, чтобы он попал в ловушку. На это указывает его встреча с послом США в Ираке Априель Гласпие, которая состоялась 25 июля 1990 года, за несколько дней до его вторжения. На этой встрече Хусейн сообщил ей о своём намерении; в ответ она промолчала и под конец встречи сказала, что США не будут вмешиваться во внутренние дела арабских стран и ирако-кувейтский конфликт — это их личный локальный конфликт, который они вправе решать, как хотят. Саддам Хусейн после этой встречи думал,

что американцы дали ему зелёный свет на вторжение в Кувейт, и он начал войну 2 августа 1990 года. Американцы ждали этого момента. Сразу была сформирована большая коалиция, и 17 января 1991 года началась операция под названием «буря в пустыне», которая закончилась 28 февраля 1991 года. В ходе боёв Ирак потерял около 60 тысяч военных и около 200 тысяч мирных жителей, а также свою военную мощь и свою экономику, так как против Ирака под давлением США после окончания войны были введены международные санкции, в том числе на запрет экспорта нефти. Таким образом, США добились своей цели, и Ирак, будучи до войны одним из ведущих игроков, ушёл с политической арены Ближнего Востока, а США построили ряд военных баз в Персидском заливе под лозунгом защиты стран региона от иракской и иранской угрозы.

США на этом не остановились и в 2003 году захватили Ирак полностью, но в этот раз под предлогом того, что у Саддама Хусейна имеется оружие массового поражения, которое так и не смогли найти. В результате американского вторжения в Ирак и его оккупации с апреля 2003 до декабря 2011 года (дата официального ухода американских войск) погибли более миллиона иракцев, а потери американцев, по данным Пентагона, составили 4487 убитыми и 32 тысячи ранеными.

Четвёртый этап разрушения Ближнего Востока (с 2011 г. по настоящее время)

Этот этап «арабской весны» начался в Тунисе в январе 2011 года, когда уличный продавец из Туниса сжёг себя в знак протеста, потому что полиция хотела конфисковать его товар из-за незаконной торговли. После этого инцидента волна протестов захватила страну, что привело к отставке президента страны Бен Али и его бегству в Саудовскую Аравию. Следом начались волнения в Египте, Ливии, Йемене и Сирии.

Сейчас становится ясно, что эти революции сами по себе вспыхнуть не могли и что всё это было частью большого плана дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и создания большого хаоса в регионе. Главной целью этого плана было свержение режимов, которые имели сильную государственную власть и авторитетных лидеров, таких как Муамар Каддафи в Ливии, Хусни Мубарак в Египте, Али абду Ала Салех в Йемене и, наконец, Башар Асад в Сирии. Сейчас мы не будем более углубляться в анализ «арабской весны», но всё же необходимо коротко обозначить её итоги и те разрушительные последствия, которая она принесла региону.

В результате «арабской весны» Ливия как единое государство перестала существовать. В данный момент там существуют как минимум два государства, кроме тех территорий, которые контролируют исламисты из запрещённой в России террористиче-

ской организации ИГИЛ и других организаций. Также там продолжается гражданская война, которая унесла жизни более 10 тысяч человек (статистика охватывает период до конца 2017 года). Ещё одна страна перестала существовать как единое государство — это Йемен; сейчас там тоже два государства. Жертвами военных действий в Саудовской Аравии стали около 16 тысяч человек, от болезней и голода погибли более полумиллиона человек (приведены данные Минздрава страны на март 2018 года).

Самая большая катастрофа «арабской весны» — это война в Сирии. Помимо того, что страна потеряла единство — мы знаем, что она разделена на несколько регионов, где господствуют разные группировки и разные силы — человеческие потери этого противостояния очень велики. По данным ООН на март 2018 года, жертвами гражданской войны в Сирии стали более 320 тысяч человек, и более миллиона ранены. По данным международных неправительственных организаций, количество жертв превышает полмиллиона человек. И это жертвы только боевых действий; по данным этих же организаций, десятки тысяч людей, и особенно детей, умерли от болезней или в результате отсутствия медицинской помощи. Численность беженцев превысила 11 миллионов, то есть половина населения страны живёт без крыши над головой. Экономический ущерб оценивается в 259 миллиардов долларов.

Необходимо подчеркнуть, что вмешательство России в Сирийский конфликт изменило баланс сил в пользу официального Дамаска и перечеркнуло планы западной коалиции, которая хотела превратить Сирию в базу для мусульманских экстремистов для дальнейшего нанесения террористических ударов по Средней Азии и по России. До вмешательства ВКС России в Сирийскую войну регулярная армия страны контролировала около 22% территории, а сейчас контролирует 85%. Этим объясняется давление США на Россию, чтобы ослабить её роль в Сирии и в регионе в целом.

Война продолжается и, надо полагать, в скором времени не закончится; и именно военные действия будут определять судьбу региона на несколько десятилетий.

Ещё один очаг напряжённости на Ближнем Востоке, который также определяет будущее этого региона, — это арабо-израильский конфликт, превратившийся в палестино-израильский после ухода из него арабских стран в связи с их внутренними проблемами после 1974 года, о чём мы говорили выше.

На основе анализа истории конфликтов на Ближнем Востоке после окончания Первой мировой войны и выделения основных этапов разрушения арабской государственности становится очевидным, что на протяжении всего XX века, особенно после паде-

ния мандатной системы, проводилась целенаправленная политика разрушения не только арабской государственности, но и арабской нации в целом путём разжигания межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Также важно отметить, что те же схемы, которые десятилетиями отработывались на Ближнем Востоке, сейчас работают и могут продолжать работать и в странах Европы, в России и на постсоветском пространстве.

Доклад заместителя заведующего кафедрой политической психологии СПбГУ, доктора психологических наук, профессора

О. С. ДЕЙНЕКИ НА ТЕМУ:

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ КАК ВИД ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ И УГРОЗЫ ЭТНОСУ»

При глобальном противостоянии используются разные виды воздействия на конкурента или соперника с целью его ослабления. Необходимым атрибутом существования государства является народонаселение и его воспроизводство. Процесс депопуляции ведёт к снижению геополитического статуса государства,

сокращению экономического и оборонного потенциала, ослаблению политического влияния в мире. Осознание демографических угроз способствовало появлению термина «демографические войны», которые, по мнению некоторых авторов, могут благовидно называться коррекцией населения с целью сохранения устойчивости развития социума, планированием населения.

В основу глобальной политики демографической коррекции положены исследования Римского клуба, идеологически опирающиеся на неомальтузианство. На протяжении нескольких десятилетий одним из векторов развития глобального мира является, согласно идеологии Римского клуба, сокращение населения планеты с учётом дефицита ресурсов и экологических последствий деятельности человека. С 90-х годов демографическая ситуация в нашей стране ухудшалась из-за политики, осуществляемой в рамках следования этой идеологии. Согласно идеологии устойчивости экономической жизни на планете, население надо сокращать, поскольку ресурсы ограничены, поскольку деятельность человека вредит природе и, если не регулировать рождаемость, человечество ждёт большие проблемы. Римский клуб эту линию коррекции населения

для создания устойчивости все 50 лет своего существования поддерживает и распространяет. Так, юбилейный доклад Римского клуба, называвшийся «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» (совершенно великолепный по языку, по научной структуре и логике), опирается на интегративный подход как вид системного подхода. И всё бы хорошо, но в нём вектор сокращения населения на Земле по-прежнему поддерживается, несмотря на существенное (а в некоторых странах даже катастрофическое) сокращение населения планеты за последние десятилетия. В упомянутом докладе есть такая фраза: «Римский клуб выражает благодарность странам, которые обеспечили сокращение рождаемости». В этой связи хочется оппонировать Клубу и сказать: вы ведь пишете о некоем абстрактном социуме всей планеты, а мы — конкретная страна, у нас свои народы, свой богатый этнос. У нас совершенно другая проблема, связанная с достатком территории и природных богатств и недостатком людей. Для нас самый ценный ресурс — как раз люди. России не грозит перенаселение — ей грозит депопуляция. Более того, в России и в Европейском Союзе имеются общие проблемы, связанные с тенденцией снижения рождаемости и сохранения этноса, причём в современной Европе тенденция старения нации усугубляется миграционными проблемами.

Как писал А. И. Юрьев, демографическая глобализация представляет наибольшую опасность для России, поскольку «страна и русский этнос исчезают и растворяются в гигантской массе прироста в других странах».¹⁷ Подчёркивая противоречие демографических процессов в мире и в России, автор назвал ситуацию, при которой страна лишалась своего главного ресурса — человеческого, — демографическим дефолтом.

Один из известных и авторитетных демографов профессор Австралийского Национального университета Питер МакДональд также поднимает вопрос о том, что надо спохватываться, что надо бороться с низкой рождаемостью; и выкладки его, прежде всего из области экономики, весьма убедительны, поскольку молодого работоспособного населения не хватает для реализации эффективной экономической политики.

Приведу один пример из своих исследований. С помощью разработанного мною Опросника гражданина осуществляется мониторинг отношений в системе «гражданин-государство» и отражение в обычном сознании основных проблем современного российского общества. Среди текущих острых проблем нашего общества после коррупции и высокого

¹⁷ Юрьев А. И. Глобализация как новая форма политической власти, изменяющая человека и миропорядок. В кн.: Россия: планетарные процессы. СПб. Изд-во СПбГУ, 2002. С. 242.

расслоения респонденты выделяют проблему повышения пенсионного возраста. Почему студентов, молодых людей, беспокоит эта проблема? Кажется, им так далеко ещё до пенсионного возраста, почему они волнуются? Но оказывается, что есть смысл волноваться, студенты тоже понимают, что человеческий ресурс современного общества не может обеспечивать адекватной отдачи тем, кто уже внёс свой вклад в экономику страны, если работоспособного населения недостаточно, если нарушен баланс воспроизводства человеческого капитала.

Демографическая политика является частью стратегической политики страны. О необходимости внимания к демографической проблеме в политике писал ещё древнегреческий философ Аристотель в своём труде «Политика», констатируя «малолюдство» в городах-государствах Древней Греции и вытекающие из этого социально-политические риски, приведшие к их гибели. Обращаясь к истории нашей страны, можно вспомнить, что М. В. Ломоносов первым обратил внимание на остроту проблемы народонаселения для России, а потом и Екатерина II в своём Наказе предложила по тем временам достаточно прогрессивные меры, связанные с повышением статуса человека с детьми, охраной материнства, заботой о здоровье беременной женщины и т. д. Конечно, в России об этом задумывались и в XVIII, и в XIX веках, и в Советском Союзе, да и теперь есть такая необходимость.

Как часть гибридных войн демографические войны «вросли» в геополитику. С помощью мер планирования семьи можно искусственно сокращать население. Стимулируя миграционные процессы, можно способствовать размыванию этносов. Прививая чуждые семейным ценностям концепции жизни (свободная любовь, *free child style*, наркотическая субкультура, нетрадиционные браки), можно снижать фертильную потребность молодёжи. Можно создавать негативный образ матери, многодетной семьи, и вот уже стиль жизни, который именуется как «*free child style*» охватывает 15% молодёжи. «Зачем дети? Давай, дорогая, или дорогой, жить друг для друга, будем детьми друг у друга, и будет так замечательно, не надо ни за кого отвечать», — свобода, мобильность во всех отношениях. Названные тенденции становятся психологическим фоном снижения потребности в репродуктивности у молодёжи, которая уходит от «демографической ответственности».

Впрочем, в последнее время наблюдаются изменения в лучшую сторону: можно констатировать позитивный отклик населения в его «демографическом поведении» на социальный запрос. Однако нельзя забывать о глобальных угрозах, связанных с демографической ситуацией. Достаточно привести две цитаты, принадлежащие З. Бжезинскому, которо-

му чужды концепции многополярного мира: «Чтобы удержать Сибирь, России понадобится помощь: ей не под силу одолеть эту задачу самостоятельно в условиях переживаемого ею демографического спада и новых тенденций в соседнем Китае»¹⁸ И ещё: «Россия должна превратиться в общеевропейское достояние, используемое на многосторонней основе. Для европейцев это была бы увлекательная перспектива покорения новых рубежей».¹⁹

Интересно, что А. И. Солженицын, который разочаровался в результатах «шоковой терапии» 90-х годов, в интервью В. Т. Третьякову, известному публицисту из Москвы, сформулировал вариант национальной идеи, назвав её идеей народосбережения. Это слово очень трудно перевести на другие языки, в частности, на английский; лучший вариант в обратном переводе на русский язык звучит как «сбережение народов», и это действительно о нашем российском этносе с его богатым этническим наполнением.

Какие же предпосылки есть для реализации такой национальной идеи в психологии нашей молодёжи? Приведу результаты эмпирического исследования, проведённого среди студентов средних специальных и высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Было выявлено позитивное отношение к тому, что обеспечивает воспроизводство населения, — к семье как основному его инструменту и институту. Несмотря на рыночный фундаментализм 90-х, среди населения сохранилось уважение к семье, и многие респонденты высказали мнение о том, что «семья — самая большая ценность», «самое святое», что «дети — это радость бытия». (Был также разработан тест, где экзистенциальное понимание того, что такое дети, и репрезентация этой реальности в картине мира личности, тонко, психологически, «вытягивало» из испытуемых, как они действительно относятся к детям). И в целом картина благоприятная. Полученные результаты подтверждают мнение П. МакДональда, который утверждает, что какими бы привлекательными ни казались новые альтернативы, ценности, связанные с семейной жизнью, так и не были окончательно сметены растущими волнами рефлексивного материализма и нового капитализма, семейные ценности очень живучи и эластичны.²⁰

Семья — одна из важнейших традиционных ценностей. В группу «традиционных» ценностей известный учёный Р. Ингелхарт включает уважение

18 Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство/Пер. с англ. Е. А. Нарочницкой, Ю. Н. Кобякова. — М.: Международные отношения, 2004. С. 139–140.

19 Там же.

20 МакДональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики/Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара, М., «Права человека», 2006, с. 27–56

к родине, к семье, к религии и к государству. Другая, полярная, группа объединяет «постмодернистские», «постматериалистические» (или «эмансипированные») ценности, а именно: свободу, развитие, самореализацию, пренебрежение социальными нормами, неуважение к государству (воспринимаемому как некая помеха). Судя по материалам, которые мы получили при квотной выборке 260-ти человек, мы живём в стране, где все-таки доминируют традиционные ценности, следовательно, можно надеяться, что предпосылки для сохранения этноса посредством удовлетворения репродуктивной потребности у нас есть. Результаты исследования показали также, что уважение к многодетным семьям выросло; правда, наши студенты, уважая большие семьи, даже часто умиляясь ими, всё же сказали, что сами многодетные семьи не стали бы заводить. Планируя детей, большинство студентов в качестве помехи назвали материальный фактор. Большинство респондентов планируют завести детей после того, как достигнут профессиональной самореализации, когда будут иметь своё жильё и получать хорошую зарплату. Полученные результаты не удивляют, казалось бы, всё нормально. А вот П. МакДональд пишет, что отсрочка реализации репродуктивной функции каждого отдельного индивидуума означает крайне низкий уровень рождаемости в обществе в целом. Обвиняя власти в том, что они сыграли ключевую роль в создании условий, приведших к низкой рождаемости в нашей стране и в странах Европы, П. МакДональд убеждён, что именно власти должны взять на себя инициативу по формированию у молодёжи большего чувства стабильности и уверенности в будущем.

Таким образом, индивидуальная отсрочка рождения детей складывается в отсрочку на уровне государства и является угрозой для демографической ситуации, а в демографической войне становится новым оружием.

В заключение можно сказать, что наша задача — это противостояние демографической войне. В послании Президента РФ всё это ёмко и концентрированно прозвучало. Выбран курс на продолжение пронаталистической (а, конечно, не рестриктивной), и даже не патерналистической демографической политики, то есть основным её инструментом сейчас является материальное стимулирование: материнский капитал, инфраструктура, всё то, что облегчит людям создание семей и рождение детей. Но, несмотря на грамотные решения в демографической политике, проблемы ещё остаются. Прежде всего, это проблемы, которые могут решать психологи, педагоги и другие представители гуманитарной сферы. Необходимо поднимать ценность продолжения жизни в сознании населения, и здесь нельзя недооценивать роль СМИ.

Доклад доцента кафедры политической психологии СПбГУ, доцента кафедры психологии служебной деятельности СПВИ войск национальной гвардии, кандидата психологических наук **А. В. ЗАБАРИНА**
НА ТЕМУ:

«Информационно-психологическая война за образ террориста в массовом сознании»

Анатолий Михайлович Зимичев известен многим как человек уникальных энциклопедических знаний, который не просто страстно увлекался, но подлинно жил наукой. У него были изобретения в области химии, медицины. И психология для него не замыкалась только политической психологией. Он известен трудами

в области педагогической, инженерной, общей, клинической психологии, психологии управления, гражданской психологии. Детищем Н. В. Кузьминой и А. М. Зимичева является и такое направление, как акмеология. Одна из интереснейших проблем, исследованием которой занимался Анатолий Михайлович, была связана с механизмами информационно-психологического управления человеком.

Мы живём в мире парадоксов. С одной стороны, ценность человеческой жизни провозглашается в качестве основополагающей для всех государств, с другой — мы наблюдаем, как эта ценность становится разменной монетой политических интриг и цинично приносится в жертву на алтарь интересов и идеалов определённых групп. Терроризм как политическое преступление становится всё более масштабным фактором политической борьбы (в том числе на международном уровне), инструментом информационно-психологических войн.

Мы помним хронику событий войны в Чечне и комментарии западных СМИ, именовавших чеченских террористов патриотами, повстанцами, партизанами. Сегодня слышны голоса журналистов, заявляющих о террористических действиях России в отношении малазийского Боинга, якобы сбитого российскими ВВС, в отношении оппозиционного журналиста Бабченко, убитого в Киеве (в медийном пространстве и «highly likely» путинским режимом), в отношении Британии в связи с делом Скрипаля, а также о «российских террористах в Сирии», угрожающих армии сирийских оппозиционных сил, сражающихся против «диктатора Асада». Какая идеология будет считаться террористической сторонниками этих взглядов или лицами, пассивно принимающими на веру такие оценки?

Федеральный Закон РФ № 35 от 6 марта 2006 года «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. То есть законодателем задаются два конструкта, раскрывающих сущность терроризма: это идеология насилия и практика воздействия на принятие решений перечисленными субъектами. При этом, как идеология насилия, так и практика воздействия на принятие решений должны быть связаны с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Остановимся более подробно на каждом из этих конструктов.

Первый конструкт закона предполагает различие насилия (и взглядов, обосновывающих необходимость его использования), не связанного с устрашением населения, насильственных действий, реализуемых государством на основе закона. Этот момент представляется принципиально значимым. Некоторые авторы предлагают трактовку террористического мировоззрения как «убеждения о возможности, целесообразности и необходимости применения насилия в качестве инструмента достижения целей».

Есть религиозное течение джайнизма в индуизме, полностью отрицающее возможность какого-либо насилия в мире, так как оно наносит вред всему живому. Может быть, оно принимается за идеал, противостоящий террористическому мировоззрению? Посылка исключения возможности, целесообразности и необходимости в конкретных случаях насильственного воздействия государства на гражданина, общество, другое государство, на наш взгляд, напоминает утопию. Она может звучать только как абстрагированная от реальности декларация. Может ли существовать общество без применения санкций (насилия) в отношении лиц, нарушающих социальные нормы? Возможно ли существование государства без применения санкций в отношении физических и юридических лиц, нарушающих нормы юридические? Является ли, в частности, проявлением идеологии насилия обоснование запрета ряда антигосударственных международных организаций в России (НКО)? Возможно ли существование государства, не признающего необходимости адекватного насилия в ответ на внешние угрозы?

Столь широкая трактовка терроризма как идеологии любого насилия без установления конкретных форм принуждения, условий, границ их применения порождает целый ряд неразрешимых противоречий, связанных с оценкой функций государства по пресечению какой-либо деятельности, ведением военных действий, институтом наказания.

Запугивание и физическое уничтожение при помощи насильственных актов, насилие с целью лишения воли к сопротивлению, устрашения актами возмездия являются ровесниками военных конфликтов. Мы знаем много исторических примеров, когда действия воюющих армий не ограничивались применением силы только в отношении военных и гражданское население использовалось в качестве заложников. Являются ли они террористическими актами? Является ли атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки террористическим актом? Публичные наказания и казни, до сих пор применяемые в ряде государств, — это проявления терроризма?

С позиций нормативного подхода, определяющим во всех этих случаях является разграничение законного и незаконного насилия. Важнейшим признаком государства, как известно, является его исключительное право на применение законного насилия. В соответствии с этим подходом соответствующие военному праву действия армий в условиях объявленной войны не могут быть террористическими, так же, как и законные действия сотрудников правоохранительных органов или пенитенциарной системы. Ответ на вопрос: как быть с ситуациями войны необъявленной, например, бомбардировками Югославии или Сирии в отсутствие резолюции Совбеза ООН? — вытекает из несоответствия применяемого насилия нормам права.

Альтернативный подход исходит из природы терроризма как нелегитимного насилия. В отличие от легальности как соответствия нормам права характеристика легитимности имеет в своей основе социально-психологическое содержание: насколько те или иные действия и решения власти признаются справедливыми и законными самим обществом. Общественное мнение, в свою очередь, всегда является функцией его выразителей и создателей, на роль которых в современном мире начинает претендовать и международная общественность, то есть политические лидеры других государств и СМИ, финансируемые определёнными структурами и являющиеся «независимыми» выразителями их точки зрения. Международным общественным мнением могут выражаться, например, идеологические конструкции, обосновывающие необходимость насильственной смены недемократических, на взгляд их авторов, политических режимов, что в логике нормативного подхода подпадает под статью обоснования терроризма. Но здесь делается акцент на легитимности требования такой смены власти.

Нормативным ли является поведение человека, впитавшего в себя соответствующую систему ценностей и оценивающего окружающий мир в её системе идеологических координат? Является ли героем тот, кто способен пойти на самопожертвование и даже совершить политическое убийство тирана для реализации справедливости, отмщения, во имя свободы и высшей правды? Нельзя сказать, что определённый набор

ценностей, их иерархия сами по себе определяют тот или иной поступок как геройский или преступный и гарантируют устойчивость человека к воздействию террористической идеологии. Уничтожение живой силы врага во время войны фактически, а не декларативно перечёркивает универсальную ценность любой человеческой жизни. В человеческих отношениях могут проявляться различные ценности для своих и чужих, друзей и врагов, а разделение на своих и чужих, друзей и врагов — это маркёры идеологии. Следовательно, оценка социальной нормативности — это вопрос соответствия или несоответствия социально-политическим идеалам. Геройский поступок на языке одного политического идеала может подпасть под категорию преступления и терроризма на языке идеала другого, противоположного.

Представляется, что в данном случае мы имеем дело с феноменом известной для психологов фигуры Рубина «молодая девушка или старушка», персонажи которой оказываются заменены на террориста и национального героя-освободителя, революционера, а фокус восприятия этих фигур настраивается субъектами, формирующими общественное мнение по данному вопросу.

Второй разновидностью фигуры Рубина оказывается представляемая в образе террориста пара: оппозиция, диссиденты и государство. Признание легитимности насильственных действий государства в отношении устроителей очередного майдана влечёт за собой квалификацию деяний последних как террористических. Напротив, признание легитимности действий революционеров, свергающих ненавистного тирана, может закончиться объявлением защитных мер властей актом государственного терроризма, как это произошло, например, на Украине. Сторонники второй фигуры восприятия постулируют, что законная (но не легитимная) государственная власть также может признаваться террористом на основании оценки её действий, представленной общественным мнением. Отметим, что терроризм оказывается в этом плане выражением кризиса легитимности системы законного государственного насилия. Когда государственная власть отказывается от применения в обстоятельствах угрозы общественной безопасности и порядку от своего исключительного права на применение легального насилия, это право самоделегируют себе террористы.

Борьба за правильное распределение в общественном мнении ролей насильника и жертвы является закономерным следствием понимания терроризма как соответствующих нелегитимных действий, нелегитимность которых должна быть подтверждена общественным мнением. Ставка на данный подход является прологом к бесконечной информационно-психологической войне с политическими оппонентами и может быть целесообразна для государства

только в условиях уверенности в контроле за информационным полем.

Более адекватный подход, на наш взгляд, — это принятие парадигмы объективного права, принимающего во внимание только объективную сторону преступления. Никакие религиозные и политические мотивы не могут быть основанием для совершения терактов. Суд не принимает во внимание «внутреннюю правду» и благие цели террористов и уж тем более не рассматривает их в качестве смягчающих обстоятельств. Этот же подход должен стать нормой и в международных правовых отношениях. Когда на смену идеологическим клише придут объективные критерии, тогда не будет таких оксюморонов, как «умеренные» террористы.

Какой из двух образов в этих фигурах утвердится в общественном сознании граждан? Очевидно, что это не только вопрос убедительности существующих информационных потоков и доминирования «идеологически правильных» СМИ в информационном пространстве. Это всегда ещё и психологические характеристики личности реципиента информации, такие как установки, убеждения, стереотипы, идеалы, ценности, общая информированность и понимание социально-политической ситуации. Попробуйте переубедить каких-нибудь сектантов, ожидающих конца света, в том, что никакого конца света не будет. Попробуйте убедить глубоко верующего человека отказаться от сакрального для него ритуала или перейти в другую религию. Это практически неразрешимая задача. Это будет ломкой всех выработанных и упроченных его опытом каждодневного повторения социальных условных рефлексов, на которых строится всё его взаимодействие с окружающим миром. Поэтому если он воспитывался в парадигме традиционного христианства и принял её, он не окажется в секте, например, свидетелей Иеговы, так же как человек, впитавший в себя религию традиционного ислама, не перейдёт в секту ваххабитов. И, напротив, если человека воспитали в духе борьбы с неверными, то логичным будет ожидать, что его поведение также будет в той или иной степени следовать данной цели. Нормативность его поведения в сообществе будет оцениваться своими по тому, насколько он соответствует этим идеалам. То есть религии может противостоять только другая религия. И психологическая устойчивость человека к идеям религиозного терроризма — это вопрос его посвященности в традиционную религию. Эффективность усвоения традиционной религии становится здесь фактором защиты личности от «сектантских ересей», в том числе экстремистского и террористического толка. Подчеркнём, что это касается религиозных людей. Чем громче будут звучать в обществе оценки неуважительного отношения к традиционным религиям, тем популярнее будут идеи религиозного экстремизма среди религиозных

людей. Этот механизм важно понимать.

Роль светской религии принимает на себя политическая идеология. Психологическая устойчивость гражданина к «тлетворному» влиянию чуждых идеологических конструкций — это вопрос его эффективной социализации в рамках нормативных национальных идеалов данной политической системы. Идеологии может эффективно противостоять только другая идеология. Дискредитация национальных идеалов, обесценивание социальных ценностей открывает двери для рекрутинга в сторонники других политических идеалов.

Не более ясно дело обстоит и с применением второй части предлагаемого законодателем определения терроризма: практикой воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Как квалифицировать действия тех государственных лиц, которые участвовали в организации политических переворотов, цветных революций в других государствах? Направлены ли были действия организаторов майдана на Украине на воздействие на принятие решений её бывшим политическим руководством? Было ли связано данное воздействие с устрашением населения или иными противоправными мерами?

Как оценивать случаи официально признанных, подтверждённых убийств или покушений на убийства политических лидеров других государств, совершённых сотрудниками спецслужб: убийство Л. Троцкого, покушения на Ф. Кастро. Примеров очень много. Будем ли мы здесь исходить из логики оценки данных действий как актов свершения правосудия, имеющих экстерриториальный характер, игнорируя при этом нормы национального и международного права? Или присоединимся к сторонникам тех логических построений, которые утверждают, что здесь нет признака устрашения населения, а, напротив, это соответствует всеобщим потребностям и народным чаяниям на пути к дальнейшей демократизации? Точно такие же вопросы могут быть поставлены и относительно оценки санкционных мер со стороны США, Канады, Европы в отношении России.

Представляется, что здесь мы уже имеем дело с терроризмом как инструментом государственного воздействия на политических противников, в качестве которых могут выступать и другие государства. Намечается принятие невыгодного политического решения, невыгодный союз среди противников — и возникает серия терактов. До сих пор существующий в современном мире анахронизм морского пиратства решает в первую очередь политические цели. Для дестабилизации обстановки и оказания политического давления создаются не просто за-

конспирированные организации, но целые самопровозглашенные террористические государства, получающие финансовые ресурсы, военных инструкторов, тренировочные базы, оружие для организации не только локальных террористических актов, но и ведения полномасштабных военных действий в отношении стран с неудобными политическими режимами.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах» (в основу которой был положен советский проект), государственный терроризм определялся как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя суверенных государств, дестабилизацию и свержение их законных правительств.

Экономическая блокада, обрекающая население на голодную смерть, система запугивания политических деятелей и населения иностранного государства или оккупированных территорий, создание паники среди населения иностранного государства, разжигание гражданской войны и уничтожение неудобных политических деятелей, организуемые спецслужбами государства-террориста, угрозы вторжения в пределы иностранного государства, чтобы вынудить его принять ультиматум государства-террориста — всё это проявления государственного терроризма.

Но эти проявления на сегодняшний момент в качестве терроризма почему-то не квалифицируются и даже не рассматриваются. Более того, государственный терроризм начинают трактовать как политику устрашения и нелегитимного насилия со стороны государства по отношению к обществу в целом либо к диссидентам и оппозиции, что выдаёт интересные утверждения данной позиции, но в принципе уводит от сути данного явления.

А. М. Зимичев многократно в своих статьях и выступлениях подчёркивал, что главное научное требование к формулированию закона — это его объективность, то есть формулирование однозначных критериев, которые не допускают разного толкования со стороны правоприменителей. Когда законность-незаконность насилия определяется не объективными критериями закона, а общественным мнением о степени его справедливости, возникают информационно-психологические войны за утверждение или отрицание имиджа террориста, представление конкретных политических сил в роли национально-освободительных героев, умеренных террористов, террористов, насильников и жертв. Терроризм оказывается в этом плане правом сильного, того, кто одержал победу в информационно-психологической войне.

ДОКЛАД ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ СПбГУ, КАНДИДАТА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК **А. И. ВАТУЛИНА**
 НА ТЕМУ: «О МЕТОДОЛОГИИ СОЗДАНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ»

Тематика поиска и создания национальной идеологии не нова. Каждый год в информационном пространстве страны появляются новые участники этого процесса. Это свидетельствует о том, что поиски предшественников потерпели фиаско. Создаётся впечатление, что процесс поиска приобрёл перманентный ха-

раактер. Не осталась в стороне от этого поиска и кафедра политической психологии СПбГУ. Особенно примечательно, что толчком для этих исследований послужили идеи Анатолия Михайловича Зимичева, который в конце 80-х годов разрабатывал проект постройки в Псковской области специального комплекса под рабочим названием «Храм согласия». В этом храме должны были, по замыслу Анатолия Михайловича, проходить службы всех российских религиозных конфессий.

Пафос этого проекта заключался в возможности положить начало межконфессиональному диалогу и согласию в нашей стране. Религиозные различия и противоречия, по мнению А. М. Зимичева, могли привести к распаду страны. Он организовал единомышленников, подготовил проектную документацию, нашёл инвесторов, провёл широкую общественную дискуссию и получил поддержку религиозных деятелей. К сожалению, распад Советского Союза разрушил все надежды на реализацию этого проекта. Но сама идея «Храма согласия» вызвала заинтересованность в возможности и необходимости её реализации.

Для начала был осуществлён поиск подобных идей в мире. Как некий аналог можно было бы рассмотреть церковь Всех наций, или Базилику Агонии Господней, в Иерусалиме. При изучении истории её создания становится понятной причина такого названия. Церковь расположена в Гефсиманском саду, сооружена в 1924 году на деньги католиков двенадцати стран мира (Аргентина, Бельгия, Бразилия, Канада, Чили, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Мексика, Испания и США), в честь чего и получила название — церковь Всех наций. Церковь по сей день является францисканским католическим храмом. Если перенестись на индонезийский остров Бали, то на площади пяти храмов в посёлке Нуса Дуа мирно сосуществуют храмы пяти мировых религий —

мусульманская мечеть, католический костёл, буддийский храм, протестантская церковь и индуистский храм. Завершает этот перечень Храм всех религий в пригороде Казани, который на сегодняшний день не используется в религиозных целях, а выполняет функцию архитектурной достопримечательности Татарстана. Таким образом, мы можем констатировать, что идея А. М. Зимичева до сих пор нигде в мире не реализована. Но при осмыслении причин её появления закономерно возникает вопрос, ответ на который важен для формирования национальной идеологии. Вопрос этот касается возможности обеспечения долгосрочной социальной стабильности общества в стране с различными религиозными конфессиями.

Для ответа на него можно провести небольшое сравнительное исследование. Сравним страны с лучшими показателями индекса счастья населения²¹ с наличием какой-либо религиозной специфики.

Таблица. Рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2017 году. World Happiness Report 2017

РЕЙТИНГ	СТРАНА	ИНДЕКС
1	Норвегия	7.537
2	Дания	7.522
3	Исландия	7.504
4	Швейцария	7.494
5	Финляндия	7.469
6	Нидерланды	7.377
7	Канада	7.316
8	Новая Зеландия	7.314
9	Швеция	7.284
10	Австралия	7.284

Норвегия, по результатам опроса, проведённого Gallup International в 2005 году, была признана наименее религиозной страной в Западной Европе (29% норвежцев состоят в какой-либо церкви, 26% — атеисты, и 45% — не определившиеся). Евангелистско-лютеранская церковь в Норвегии регулируется и зависит от государства.

Наиболее известной и распространённой в Дании является Евангельская Лютеранская Церковь Датского Народа, которая имеет статус государственной. Тем не менее, в Дании проживают представители многих иных религиозных конфессий. Ввиду массовой иммиграции второй по числу верующих религией является ислам.

²¹ Исследование индекса счастья проводится действующим при Колумбийском университете исследовательским центром «Институт Земли» (The Earth Institute) под эгидой ООН в рамках глобальной инициативы «Сеть решений устойчивого развития» (UN Sustainable Development Solutions Network). URL: <https://gtmarket.ru/news/2017/03/20/7316> (обращение 15.04.2018)

Результаты опроса в 2016 году показывают, что менее половины исландцев считают себя религиозными и более 40% молодых людей считают себя атеистами. Религия более распространена за пределами Рейкьявика. Так, 56,2% опрошенных жителей столицы идентифицировали себя как христиане. На остальных территориях страны доля христиан — 77–90%. Также опрос показал разницу в религиозности поколений. Ни один из опрошенных молодых людей (до 25 лет) не верит в библейскую историю создания Земли.

Австралия является многоконфессиональной страной и не имеет официальной религии. Преобладающей религией в Австралии является христианство. По данным переписи 2011 года, крупнейшим по численности вероисповеданием является католицизм, который исповедуют 25,3% населения. 22,3% являются нерелигиозными. Следующей крупной конфессией является англиканство, которого придерживаются 17,1%. Буддизм в Австралии исповедуют 2,5% населения, ислам — 2,2%, индуизм — 1,3% и иудаизм — 0,5%.

Новая Зеландия также является многоконфессиональной страной и не имеет официальной религии. По состоянию на 2013 год, большинство населения (48%) Новой Зеландии исповедуют христианство, 42% не религиозны, около 6% исповедуют религии, не являющиеся ответвлениями христианства, среди них крупнейшая — индуизм.

Подводя итоги обзора стран с высоким индексом счастья населения, можно сделать вывод о том, что в большинстве этих стран присутствует не только религиозная многоконфессиональность, но и значительная доля агностиков и атеистов. В общественной жизни этих стран наблюдается социальная стабильность, а национальную идеологию определить довольно сложно.

Позволю себе напомнить, что идеология представляет собой процесс создания, распространения и реализации определённого социального идеала. Идеалом является предельное представление о некотором объекте, о том, каким он должен быть согласно нашим желаниям. Социальный идеал является обобщённым представлением идеализированного социума, то есть социума, избавленного от травмирующих сознание людей противоречий. Социальный идеал как основа общества состоит из специализированных идеалов, отражающих те или иные аспекты жизни социума. К ним относятся экономический, политический, этический, эстетический, мировоззренческий и ряд других идеалов. Религия как идеологическая система в современном мире претендует на лидерство в распространении и реализации этической и мировоззренческой составляющей социального идеала. Но были времена, когда религиозные деятели (протестанты, староверы) активно влияли на формирование эстетических,

политических и даже экономических аспектов социального идеала. Сегодня эти сферы находятся под контролем светского общества в лице представителей государства. И именно государственные элиты становятся конструкторами и трансляторами идеалов и ценностей, к которым стремятся граждане этих государств. В рассмотренных «счастливых» странах при поддержке элитных группировок сформировалась и поддерживается идеология всеобщего потребления, которая продуцирует свои символы, мифы, ритуалы и традиции. Для людей, большинство из которых — природные конформисты, ведущей жизненной стратегией является подражание и стремление к социальному соперничеству. Идеология потребления, предлагая привлекательные образцы для подражания во всех сферах общественной жизни, одновременно задаёт и векторы социального развития для населения большинства стран. Изменить направление такого вектора или разрушить гегемонию идеологии всеобщего потребления может масштабный кризис и наличие альтернативной идеологии, способной предложить новый образ общественной жизни для преодоления этого кризиса. До наступления таких событий мы можем лишь наблюдать за глобальной экспансией потребительской идеологии, нарастанием противоречий в общественных отношениях и перманентным поиском национальной идеи.

Доклад директора информационно-аналитического агентства «Тим Инфо»

Н. А. ГРАДОВОЙ НА ТЕМУ:

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В МЛАДЕНЧЕСКИЙ И СЕНСИТИВНЫЙ ПЕРИОДЫ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНОСА

Согласно работам А. М. Зимичева, ценности этноса, или категории Изобилия, Добра, Красоты, Истины, имеют для этноса перво-степенное значение. Об их важности говорит тот факт, что этнос не может быть разрушен до тех пор, пока действуют эти категории, но разрушение этих категорий автоматически означает разрушение этноса²².

Следовательно, чтобы сохранить или уничтожить этнос, можно обойтись и без войн с непредсказуемыми последствиями. Чтобы изменить этнос, просто

22 Зимичев А. М. Психология политической борьбы. Прикладная психология/А. М. Зимичев. М.: ЛомоносовЪ, 2010, с. 174.

необходимо изменить его ценности, для чего и надо изучить механизм их формирования у представителей этноса.

Ценности этноса закреплены в сознании людей, влияют на их поведение и проявляются в юридических и социальных нормах. Это тоже соотносит ценности с эмоциональным развитием, так как развитие воли и формирование моральных норм традиционно относят к последовательным этапам развития психики.

Мы соотносим это понимание ценностей с понятием психологически закреплённых национальных и культурных традиций у А. И. Юрьева²³: на политические процессы влияют ситуативные и позиционные факторы.

И сейчас мы видим, что ситуативные факторы — окружающая среда, угроза войны, финансовый и экономический кризис, терроризм — находятся под пристальным вниманием специалистов различных областей во всём мире. При этом позиционные факторы — факторы, обусловленные устойчивыми особенностями субъектов политики в форме психологически закреплённых культурных, национальных, хозяйственных и прочих различий — рассматривались и рассматриваются как неизменные или изменяемые настолько медленно, что на текущем этапе эти изменения практически незаметны и не имеют значения, то есть не требуют изучения.

Ценности этноса изучают представители различных дисциплин — философы, социологи, экономисты, психологи. Все они выделяют Доверие и Справедливость, Истину, Красоту, значимость собственного Я, место человека в обществе, Индивидуализм и Коллективизм.

По мнению Ю. В. Веселова, «доверие и справедливость в контексте экономической повседневности становятся одними из самых важных моральных категорий и заслоняют собой все остальные аспекты морали»²⁴.

Так как эмоциональное развитие личности связано непосредственно с передачей культурных норм и ценностей от представителей старшего поколения последующим, особое влияние на их формирование оказывают особенности поведения в этот период родителей или лиц, их замещающих (через эмоциональный контакт детей со значимыми взрослыми, в первую очередь, с матерью).

Условия эмоционального развития и политические ценности в определённой степени обусловлены национальными, культурными и межпоколенческими различиями.

Потребности, точнее, характер отношения к ним и способ их удовлетворения, и ценности, являясь частью жизни ребёнка, культуры и традиций семьи и этноса, к которым он принадлежит, формируются именно в младенческий и сенситивный периоды.

Эмоциональная реакция матери на контакт с ребёнком, её отношение к нему и его потребностям отмечается всеми авторами исследований в этой области. Диалог отношений представляет собой цикл из последовательности действие-реакция-действие в отношениях матери и ребёнка. Эта крайне специфическая форма взаимодействия создаёт для ребёнка его собственный особый мир, но со специфическим эмоциональным климатом, созданным его родителями²⁵. Уважение и принятие потребностей ребёнка или их игнорирование прямо или косвенно стимулирует развитие как самих потребностей, так и путей их удовлетворения. Над изучением этого вопроса много работал Аллен Миллер: «Средства для борьбы с эмоциональной сферой ребёнка далеко не всегда представляют собой ярко выраженное насилие. Не обязательно бить ребёнка, можно просто установить контроль за естественными потребностями новорождённого, и довольно скоро последний подсознательно станет воспринимать это как должное. Он (отец в исследовании) систематически пытался убить в своём первенце всё живое — и в результате внутри ребёнка царил пустота и страх перед собственными комплексами»²⁶.

Потребности младенца ведут к появлению первых эмоций удовлетворения-неудовлетворения, напряжения и снятия напряжения. Потребности и их удовлетворение-неудовлетворение становятся фактором, влияющим на развитие отношений младенца и матери.

О значении грудного вскармливания для развития младенцев писали и пишут многие. Для понимания, как оно связано с эмоциональным развитием, интересны исследования Рене А. Шпица, проведённые в 1930-е годы. Он описывает наблюдения коллег и проводит собственные: «Никакая другая «вещь» в этом возрасте (два месяца) не вызывает у младенца такого поведения (*сосредоточенно следит за перемещением лица человека, как только замечает его*). Гезелл и Илг (1937) поясняют, что это происходит оттого, что человеческое лицо предстаёт перед младенцем в бесчисленных ситуациях ожидания: в сущности, на первом месяце жизни лицо возникает в поле зрения младенца всякий раз, когда

23 Юрьев А. И. Введение в политическую психологию/А. И. Юрьев. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992, с. 8

24 Веселов Ю. В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества/Ю. В. Веселов. М.: Аспект Пресс, 2011, с. 6

25 Рене А. Шпиц, У. Годфри Коблинер Первый год жизни/пер. с англ. Л. Б. Сумм; под ред. А. М. Боковикова. М.: Академический Проект, 2006, с. 46.

26 Миллер, А. В начале было воспитание/А. В. Миллер; пер. с нем. И. В. Силаевой. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014, с. 51.

какая-то из его потребностей получает удовлетворение. Таким образом, человеческое лицо начинает ассоциироваться с облегчением при избавлении от неудовольствия и с ощущением удовольствия». В исследовании Рене А. Шпица и У. Годфри Коблинера были получены существенные дополнительные результаты. Они зафиксировали, что «в подавляющем большинстве случаев естественно вскармливаемый ребёнок не отводит глаз от лица матери на протяжении всего кормления, пока не засыпает у груди; у детей, вскармливаемых искусственно, это явление не бывает ни устойчивым, ни надёжно фиксируемым»²⁷. Важно отметить, что какую бы помощь мать или иные лица не оказывали ребёнку, поднимая его, подмывая, перепелёнывая и т.д., он неизменно видит их лицо анфас, и они фиксируют на младенце свой взгляд, двигают головой и, как правило, *что-то приговаривают*. Эмоции и общение с матерью влияют на развитие ребёнка с первых мгновений жизни.

Влияние матери и членов семьи происходит через их непосредственную эмоциональную реакцию на происходящее с ребёнком, их стремление удовлетворить/игнорировать потребности ребёнка, через присказки, используемые взрослыми в первые дни и годы общения с ребёнком, сказки и предания, формирующие эмоциональное отношение к поведению и поступкам героев (в сказках и преданиях всегда чётко обозначены положительные и отрицательные герои), через окружающий мир — предметы быта и природу, через их эстетические и символические впечатления и смыслы, через вовлечение в сотворчество — от пересказа сказки до занятий рисованием, музыкой, танцами, спортом и т.д. Так идёт формирование этнической идентичности.

Как через это развитие сохраняются и передаются ценности этноса? Потребности, реакция на них и форма удовлетворения различаются у различных культур и народов. Об этой разнице пишут многие исследователи первобытных культур, например, Э. Эриксон и Э.Б. Тейлор. Например, Э. Эриксон дал описание двух различных индейских племён, которые занимались различной трудовой деятельностью как основной: одни были охотниками, а другие — рыбаками. И уже буквально с первых дней жизни всеми доступными способами, закреплёнными в национальных фольклорных и религиозных обрядах и традициях, каждому младенцу создавали условия для получения соответствующего опыта и эмоций: «Мы установили, что мир индейцев юрок ориентирован по предостерегающе-центростремительным линиям, тогда как

мир сиу характеризуется мощной центробежностью. Как общество индейцы юрок почти не имели иерархической организации. Практически у юрок не существовало «национального» чувства и никакого вкуса к войне... индейцы юрок чувствовали себя безопасно в созданной ими системе избеганий. Жизнь каждого индейца начиналась с раннего отлучения от матери и последующего предписания избегать матери, и вообще остерегаться коварных женщин. Индейцы юрок жили с постоянным намерением вырвать преимущество у другого. В то время как у индейцев сиу, как только ребёнок начинал пользоваться и наслаждаться материнским молоком, ему давали грудь всякий раз, когда он хныкал (днём ли, ночью ли), и к тому же позволяли свободно играть с грудью. Подразумевалось, что малыш не должен реветь в состоянии беспомощной фрустрации»²⁸.

Чувства человека определяются не только потребностями, но и всей системой его ценностных ориентиров, среди которых важную роль играют традиции, обычаи, предания, являющиеся исторической памятью этноса. Истоки традиций и обычаев восходят к мифологическому мышлению и формируют образное символическое мышление ребёнка. Любой опыт, переживаемый новорождённым, преобразованный в значимый опыт, складывается постепенно и последовательно в картину мира, в которой тесно связаны значимые потребности и эмоции.

В то же время социальная и культурная среда влияют на эмоции индивида, и, следовательно, социальная и культурная среда влияют и на формирование эмоций у детей, так как в этой среде, отражая её, эмоции и развиваются. Неопределённый изменяющийся характер культурного и социального пространства действуют на ребёнка в чувствительный период не напрямую, а опосредованно, через членов семьи. И изменения в окружающем мире (политические, экономические, культурно-ценностные), влияя на значимых взрослых, меняя эмоциональную атмосферу в целом, влияют и на ребёнка.

Опыт эмоциональных переживаний первых лет происходит от творческого и эмоционального контакта с предметами окружающего мира, как бытовыми, так и предметами искусства и литературы. Выбор ценностей в семье отражает многие особенности этноса: преимущественная ориентация на определённый набор ценностей неминуемо рождает качественно особую конфигурацию культуры и её идеального сознания. Поэтому обращаясь к классическим образцам искусства, надо

27 Рене А. Шпиц, У. Годфри Коблинер Первый год жизни/пер. с англ. Л.Б. Сумм; под ред. А.М. Боковикова. М.: Академический Проект, 2006, с. 53.

28 Эриксон Эрик Г. Детство и общество/Э.Г. Эриксон; пер. с англ. СПб.: Летний сад, 2000, с. 167.

учитывать, что их универсальность относительна. Культура этноса, исторический период, наравне с эмоциональной окраской и оценкой родителями, влияют на их восприятие ребёнком и, соответственно, формируют различные эмоциональные состояния при одних и тех же исходных материалах в виде произведений искусства. Теодюль Рибо писал в 1905 году: «Если в эстетике, вместо отвлечённых понятий прекрасного, безобразного, великого, красивого, грациозного мы будем рассматривать произведения искусства *in concreto* и в их историческом развитии, то мы ясно увидим, что оценка меняется в зависимости от времени и от места. В поэзии, прозе, ораторском искусстве, в живописи, в архитектуре, в скульптуре, в музыке — везде существует мода. А что же такое мода, как не изменение таблицы ценностей?»²⁹. В сенситивный период ребёнок наряду с ценностями этноса усваивает и глобальные «модные тенденции», существующие на тот момент и в культуре, и в самих ценностях, смещая акцент с традиционных ценностей этноса.

И вопрос воли в современных исследованиях встречается крайне редко. На наш взгляд, это не случайность, а, скорее, тенденция. Прерывность традиций эмоционального развития в сенситивный период в последние годы и отсутствие широкого интереса к вопросу воли может привести к определённым изменениям формирования личности у целых поколений. В 1859 году профессор логики Абердинского университета Александр Бейн в книге «Эмоции и Воля» писал о последовательном развитии эмоций, воли» и формирования моральных норм. К 1880 году объёмный труд на более чем 600 страницах вышел уже в третьем издании³⁰.

Да и ещё 50 лет назад вопросы воли, эмоционального развития и развития личности стояли рядом. «Строитель коммунизма должен быть не только высокообразованным и технически грамотным человеком. Он должен быть вооружён марксистским мировоззрением. Задача воспитания не менее сложна и ответственна, чем задача обучения. Собственно говоря, они неразрывно связаны. Личность есть продукт общества, и социальная среда имеет для её формирования решающее значение (И. М. Сеченов). Одно из звеньев воспитания гармонически развитой личности, строителя коммунистического общества — воспитание чувств. Широко бытует заблуждение, согласно которому человеческие поступки — якобы результат логических рассуждений и выводов. Между тем, роль чувств в поведении человека огромна. Знание, подкреплённое

чувством, превращается в убеждение: чувства ведут от убеждения к поступку»³¹.

Значение формирования воли как определённый этап эмоционального развития хорошо видно на примере трудового воспитания в семье. Традиции первого трудового опыта в различных культурах и их связь с вопросом формирования воли и развития моральных норм очень интересны как своим сходством, так и различиями — по времени первого трудового опыта, по виду и способу трудовой деятельности.

Отдельное влияние на формирование этнической идентификации имеет традиционная для этноса религия. Общим основанием религий является принцип сохранения ценности. Всякая религия как верование с полным правом должна быть принята в разряд ценностей.

Эмоция всегда социальна. По мере взросления интерес ребёнка к познанию себя, пониманию своих эмоций и эмоций окружающих требует многостороннего разнообразного удовлетворения. Все области искусства, доступные в его семье и его культуре, необходимы для полноценного развития ребёнка. И все они неминуемо несут образы, присущие именно этой культуре. Чувства к концу дошкольного возраста становятся мотивами поведения ребёнка. Познание смысла, предназначения, ценности предметов и явлений мира и себя в нём начинается в детстве и продолжается всю жизнь.

Эмоциональное развитие и социализация в семье могут быть рассмотрены как передача семейных и национальных традиций, как пролонгация эмоционального характера взаимодействия с ребёнком в первый год жизни и последующие годы сенситивного периода. Социализация в семье может быть рассмотрена и как развитие волевых качеств, формирование ответственности, делегирования полномочий, совместной работы всех членов семьи в условиях вертикали власти внутри семьи или их отсутствия.

Усвоение ценностей этноса и эмоциональное развитие и социализация в сенситивный период — фундамент развития не только личностных особенностей, но и политического поведения.

Национальные и культурные традиции ухода за ребёнком и воспитания до 7-ми лет — ключ к пониманию особенностей политического поведения и политических процессов в стране, этносе, политической организации в целом.

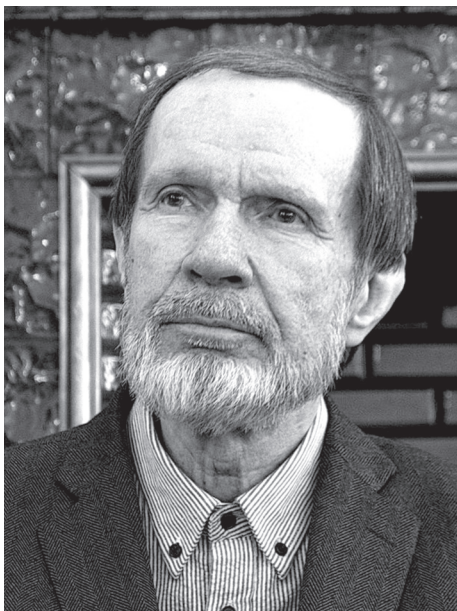
И именно через эмоциональное развитие и социализацию в сенситивные периоды проявляются межпоколенческие различия.

Когда изменяются национальные и культурные традиции в масштабе целого этноса (страны и /или нации), изменяется и политическое поведение этноса (страны и /или нации).

29 Рибо Т. Логика чувств/Т. Рибо. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1905, с. 38.

30 Alexander Bain The emotions and the will. Third edition, London, Longmans, Green, and co, 1880. 604 с.

31 Лук А. Н. Эмоции и личность/А. Н. Лук. М.: Знание, 1982, с. 3.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич

МНОГООБРАЗИЕ ИДЕОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ИХ СОВМЕСТИМОСТИ

ОБ АВТОРЕ:

Доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, научный руководитель НП «Центр политических и психологических исследований», экс-директор НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ. Окончил факультет психологии ЛГУ им. А. А. Жданова.

В Конституции РФ (статья 13) записано: «1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [4, с. 7]. Многие наши граждане считают, что это очень «вредная» статья, навязанная нам американскими советниками после нашего поражения в холодной войне. Но вспомним, что в царской России была государственная идеология («православие, самодержавие, народность»; 70,8% населения Российской империи — 83,4% в Европейской части страны — были православными (1870 г.)) [8, с. 86]. Тем не менее, в феврале 1917 года, по словам *В. В. Розанова*, «Русь слиняла в два дня. Самое большое — в три» [7]. Даже иные видные представители царского двора и церкви надели красные банты. В СССР была мощная и всеобъемлющая марксистско-ленинская социалистическая идеология; миллионы людей были членами КПСС и ВЛКСМ, однако Советский Союз рухнул в несколько недель, ну пусть месяцев.

И вот уже почти 30 лет мы живём без государственной идеологии. Впрочем, так ли это? Ведь в самой преамбуле Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года, читаем: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность

России и утверждая незыблемость её демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем **КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**» [4, с. 3]. Разве это не суть некой идеологии?

Здесь обозначено наше отношение к прошлому, настоящему и будущему страны, понимание **общей судьбы** и государственного **единства** многонационального российского народа, **любовь и уважение к Отечеству**; названы **такие наши ценности-цели, как добро и справедливость, права и свободы, благополучие и процветание России**; наконец, отмечены **ответственность за неё перед нынешним и будущими поколениями** и осознание себя частью мирового сообщества. Так что **эскиз идеологии уже содержится в самой Конституции РФ**.

Идеологию современной России закономерно выражают и такие её государственные атрибуты-символы, как **герб, флаг и гимн**. Гербом снова, как и до 1917 года, стал **двуглавый орёл** с коронами, скипетром и державой, и Георгием Победоносцем (который попирает копьём змия), изображённым на щите на груди орла. Этот герб генетически происходит из Древнего Рима и Византии. Государственным флагом стал **красно-сине-белый триколор**, опять же вернувшийся из царской России. Данные европейские цвета в виде трёх горизонтальных прямоугольных полос друг над другом позаимствованы Петром I из Голландии, её флага. Изменён только порядок расположения цветных полос, который, однако, совпадает с флагами Словакии и Словении.

Музыка и слова гимна принадлежат советским авторам: композитору и дирижёру А.В. Александрову и поэту С.В. Михалкову. Причём интересно, что Александров до революции был регентом церковных хоров, в том числе в храме Христа Спасителя в Москве, а в советское время стал художественным руководителем Краснознамённого ансамбля песни и пляски Красной армии, народным артистом СССР, лауреатом Сталинской премии и генерал-майором. Первый вариант текста гимна, победивший на конкурсе в 1943 году, Михалков написал вместе с поэтом Г.А. Эль-Регистаном. Однако затем ему, уже одному, дважды пришлось править текст гимна: в связи с Конституцией 1970-х годов и Конституцией 1993 года [15].

По этим правкам гимна можно проследить, как менялась государственная идеология в нашей стране на протяжении второй половины XX века. Из варианта 70-х исчезли «великая Русь» и «Сталин», зато возникли слова «партия», «коммунизм» (дважды) и удвоился «Ленин». В варианте 90-х годов дважды звучит «Россия», появились слова «мечта», «священная наша держава» и «храняемая Богом родная земля», но не встречаются «партия», «коммунизм» и «Ленин». В варианте 1977 года нет слов «от победы к победе», а в тексте гимна 1990-х (утверждённом в 2000 году), кроме «побед», отсутствуют и слова «труд» и «подвиги».

Таким образом, **идейно-символически Российская Федерация во многом вернулась к временам Российской империи: к её традициям,** православной духовности, державности, но и к европейской светскости и прагматичности, которую олицетворяют цвета теперешнего нашего триколора (прежде всего, флага русского торгового флота). Впрочем, даже музыку гимна, оставленного в современной России, ещё в советское время написал человек, происходящий из церковного сословия (Александров), а слова гимна — человек с дворянскими корнями (Михалков). Правда, советское наследие в первые постсоветские годы явно сохранялось у силовиков (форма, красные звёзды, наименование «милиция» и т.п.). Ныне армия и теперь уже «полиция» своей формой всё больше вестернизируются, но Знамя Вооружённых сил РФ остаётся красным, как в СССР, однако с гербом в виде двуглавого орла и четырьмя звёздами по углам полотнища. На оборотной стороне знамени изображён двуглавый орёл уже с распостёртыми крыльями и мечом и венком вместо скипетра и державы; по углам — также звёзды и ещё **надписи: сверху — «отечество», а внизу — «долг» и «честь».** Пожалуй, самым наглядным проявлением возвращения к досоветской дореволюционной традиции стало восстановление, реставрация и строительство православных (и не только) храмов (вспомним хотя бы воссоздание грандиозного храма Христа

Спасителя в центре Москвы, кощунственно превращённого в советское время в бассейн). Происходит возвращение к прежней лексике и деятельности (государственная дума, губернатор, пристав, гимназия, благотворительность, паломничество, официальный праздник Рождества Христова, повсеместные обряды крещения, венчания, отпевания, особое меню для постящихся и т.д.). К этой же тенденции относится и возвращение дореволюционных названий многим переименованным в советское время городам (снова Санкт-Петербург, а не Ленинград, Самара, а не Куйбышев, Екатеринбург, а не Свердловск и т.д.) и улицам (например, Тверская, а не Горького в Москве, Офицерская, а не Декабристов в Петербурге).

Традиционная государственно-патриотическая идеология России в последние годы проявляется в ряде официальных документов. Наиболее чётко это продемонстрировал **Указ Президента №683 от 31 декабря 2015 года «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»** [6]. В этом документе однозначно говорится о том, что к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности относятся **«сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодёжи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны»** (курсив автора — В. С.). При этом «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность нашей Родины». Как видим, власть обозначает приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей и единство всей отечественной истории. Более того, наблюдается идейная близость государственной власти и Русской православной церкви, соответствие их целей-ценностей духовно-нравственному вектору нашего народа [5].

Однако **на практике постулированным государством традиционным российским ценностям в настоящее время противостоит духовно-нравственное и финансово-имущественное расслоение нашего общества.** При этом в любом большом социуме, раньше скорее имплицитно, а ныне, всё более эксплицитно, в связи с процессами глобализации существует **полиментальность** — одновременное наличие в обществе (социуме) разных исторически сложившихся типов менталитетов. Напомним читателям, что типология менталитетов

в моей **концепции российской полиментальности** [9, 12] основывается на базовых философских концептах-ценностях, образующих логический крест: *Бог* — *идол*, по вертикальной координате, и *индивид* — *коллектив* (общество), — по горизонтальной. Поэтому **«Бог»** выступает как ключевой ценностный концепт, вокруг которого образуются религиозные менталитеты. В России — это прежде всего *православно-русский менталитет*, которому уже более тысячи лет, а также динамично развивающийся *исламский* и другие традиционные и нетрадиционные конфессиональные менталитеты. Вокруг ценностного понятия **«индивид» (личность, «я»)** складываются прозападный *либерально-капиталистический* и другие либеральные менталитеты, а вокруг понятия **«коллектив» (общество, «мы»)** — *коллективистско-социалистический* и другие просоциальные умонастроения. Наконец, понятие **«идол» (мамона, инстинкты)** выражает древнейшую криминально-клановую ментальность. Кроме того, на пересечении горизонтали и вертикали этого логического креста располагается *псевдоменталитет* — мозаичное, эклектическое ментальное образование из элементов, осколков базовых менталитетов. Каждому менталитету соответствует определённый *ценностно-ментальный тип личности* (художественную, **метафорическую модель российских базовых менталитетов я увидел в образах братьев Карамазовых** из одноимённого романа Ф.М. Достоевского) [12]. Эмпирические исследования, проведённые мной и моими сотрудниками, подтвердили одновременное существование этих менталитетов в российском обществе. Более того, наблюдения над зарубежной реальностью, художественной литературой и кинофильмами позволяют говорить об **универсальности данной типологии. Она также коррелирует с идеологическими, партийными предпочтениями людей** (консервативными, коммунистическими, социал-демократическими, либеральными, разнообразно-эклектическими и др.), которые по сути выражают исторические менталитеты.

В современной конституционно плюралистичной России наблюдается повсеместная борьба идеологий. Причём **идеология приоритета традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотической российской идентичности, развиваемая в государственных доктринах национальной безопасности, образования, культуры, очень слабо проявляется в повседневной деятельности** большинства средств массовой информации, учреждений культуры и искусства, в образовательной практике всех уровней, тем более в деятельности интернета и рекламы. **На повседневном уровне фактически царит идеология прозападного либерализма и капиталистического общества потребления** [10, 12, 14].

В последнее время, особенно в связи с навязанной населению несправедливой пенсионной реформой, **выросла значимость справедливости как фундаментальной человеческой ценности.** Ещё *Аристотель* утверждал: «Справедливость является величайшей из добродетелей... Общество держится тем, что каждому воздаётся пропорционально его деятельности» [16, с. 91]. В свою очередь, *Ф. М. Достоевский* писал: «Высшая и самая характерная черта русского народа — это чувство справедливости и жажда её» [1, с. 549]. Наши исследования показывают, что в современной России общество социальной справедливости востребовано прежде всего представителями коллективистско-просоциального и православного менталитетов, которые составляют большинство наших граждан. Членов этих групп объединяют именно ценности справедливости, правды, веры, патриотизма, коллективизма, традиционной и классической русской культуры и языка. Самое большое несогласие и противостояние наблюдается между представителями каждой из названных групп и носителями либерально-индивидуалистического менталитета, для которых характерна выраженная фетишизация денег и глобалистско-прозападные культурные ценности, ведущие к утрате гражданско-национальной российской идентичности [13, 14]. **Противоречия между православными («белыми») и просоциальными («красными») гражданами, с одной стороны, и либералами («голубыми») — с другой, проявляются на всех «этажах» российского общества.**

Одним из основных препятствий для духовно-нравственного общества социальной справедливости и социального согласия выступает значительное влияние либералов-западников, сторонников глобалистско-потребительского постмодернистского общества в сфере культуры и искусства, СМИ, рекламы. **Отсюда прозападный, антипатриотический, провокационно-безнравственный характер содержания (так называемого «контента») многих телевизионных каналов, порталов и сайтов интернета, средств массовой культуры и искусства, который по сути работает на перекодирование общественного сознания, традиционных российских ценностей и норм, в первую очередь, у молодёжи.** Представляется неслучайным «раскручивание» в последнее время (якобы «русских») уже не только вульгарно-матерщинного «певца» С. Шнурова наряду с ветеранами блатного мелоса (так называемого «русского шансона»), но и по-настоящему «осатанелых» бездарных рэперов, несущих откровенный мрак цинизма, экстремизма и психологического программирования, побуждения подростков к ненависти, агрессии и самоуничтожению. «Керченский стрелок» недавно воспроизвёл в реальности клип рэпера Оксимирона (почему-то имеющего не одно гражданство, как и те, кто его и подобных ему раскручивает

и «пиарит») о массовом расстреле школьниками своих соучеников. Это адские плоды одной из криминально-клановых идеологий, существующих в современной России. Вменяемые российские родители пытаются противостоять этому гнусному зомбированию своих детей, но имеют дело с кукловодами, оснащёнными всеми необходимыми ресурсами.

Однако более глубокие причины этой российской идейной борьбы, уже перерастающей в психологическую войну, скрыты в глубинном корневом противостоянии сил добра, правды и справедливости с силами зла, лжи («постправды») и сатанинской гордыни. Председатель Конституционного суда Российской Федерации **Валерий Зорькин** совсем недавно на страницах «Российской газеты» [3] выразил тревогу по поводу ситуации в нашей стране. Он обращает внимание на то, что не решена проблема социального согласия, а требования социальной справедливости выходят у населения на первый план. **Люди наиболее болезненно воспринимают несправедливое распределение бремени экономических реформ, социальное расслоение** (децильный коэффициент в РФ — один из самых высоких в мире, за чертой бедности находится свыше 20 миллионов человек). Как показывают исследования Института социологии РАН, трудовые нагрузки работающих растут, а социальная защищённость снижается. Неблагополучие работников усугубляется в свете грядущих социальных последствий автоматизации, роботизации и компьютеризации производства. Миллионы людей могут потерять работу. Мы ещё **далеки от реализации 7-й статьи Конституции о том, что РФ — социальное государство, которое обеспечивает «достойную жизнь и свободное развитие человека»**. Ещё одной сферой несправедливости остаётся **проблема коррупции; борьба с ней — это жизненно важный для России вопрос, без решения которого невозможно достичь искомого общественного согласия** и массового признания справедливости российского общественного устройства. Председатель Конституционного суда, несомненно, прав. Но дело ещё и в том, что идеология прозападного либерального чиновника, либерального журналиста и либерального бизнесмена пока никак не может быть совместимой с идеологией православного педагога, православного фермера и православного писателя, а также с идеологией просоциальных коллективистов (рабочего, инженера, врача). Вместе с тем, часть атеистических социалистов («красных») не может поладить с частью зашоренных православных («белых») [14]. Правда, **имеется опыт социального согласия представителей различных идеологий в Петербурге** в первом десятилетии нового века, когда общественность города боролась со строительством более чем 400-метровой башни Газпрома на Охте, напротив Смольного собора, и до-

билась перенесения строительства на окраину города, в район Лахты [11]. Но недавнее административное решение о передаче Исаакиевского собора Русской православной церкви вызвало бурное ментально-идеологическое сопротивление.

Ныне на фоне процессов глобализации, глобальной интернет-коммуникации, миграции и туризма **мы сталкиваемся с различными идеологиями и полиментальностью, доходящими до ценностно-нормативной несовместимости между представителями различных групп**. Часть российских граждан после распада Советского Союза и падения «железного занавеса» восприняли глобализацию и современное состояние мира как некий неизбежный «нормальный» рыночно-капиталистический феномен. Однако, опыт антироссийских санкций и **последние разработки интеллектуалов «Римского клуба» свидетельствуют об обратном [17]. Их доклад доказывает пагубность и безнравственность современного капитализма** (грандиозные финансовые спекуляции, офшорное мошенничество, вопиющее социальное неравенство, рост авторитаризма, разрушение природы и климата, возрастание угрозы большой войны и др.). Более того, они признают, что крах социалистической системы и победа Запада привела его к неадекватной «гордыне». Избавление от всех этих глобальных опасностей требует иного мировоззрения, отказа от пагубной жажды наживы и крайнего эгоизма. Высказывается призыв к новому образованию и воспитанию, к новым нравственным ценностям. Добавим, что **о противоречиях между идеологией капитализма, бизнеса, конкуренции и принципами христианства, братской любви, гуманизма** с тревогой писала ещё в 1930-х годах западный психолог *К. Хорни* [18, с.132–134]. В этом контексте умонастроение и **идеология российских либералов-западников выглядит вопиюще ненаучной и ретроградной**.

Нельзя не отметить и роль российских психологов в текущей идеологической ситуации. Они полиментальны и полиидеологичны, как и всё население, однако разные типы менталитетов и идеологий представлены среди них в других соотношениях. И как раз среди университетских психологов наших столичных городов преобладают представители либерально-индивидуалистического менталитета, которые, пользуясь поддержкой либеральных чиновников, курирующих образование и науку, а также либеральных СМИ, способствуют внедрению в российское образование и культуру только соответствующих их идеологии западных и доморощенных подходов и инноваций, что не лучшим образом сказывается на характере обучения и воспитания наших учащихся, на их российской идентичности, тем более с учётом психологической науки во всём мире [2]. Вместе с тем, в последние годы в отечественной науке всё

чаще можно встретить и поборников христианской психологии, которые плодотворно сотрудничают с Русской православной церковью. Фактически **эти две названные ментальные группы, как и во времена Ф. М. Достоевского, продолжают в наши дни противостояние «почвенников» и «западников», только уже в психологии.** Реже обнаруживают себя сейчас психологи коллективистско-социалистического менталитета, зато телевидение «пиарит» каких-то «психологов-астрологов» и экстрасенсов, представителей языческо-шарлатанского менталитета. Немало также психологов-эклектиков, пытающихся соединить в своей деятельности несоединимое. Пожалуй, можно сказать, что **в нашей психологической науке в настоящее время царит такой же идеологический плюрализм и противоборство, как и во всём нашем неопределёвшемся со своей миссией постмодернистском обществе.** Во всяком случае реальной дискуссии и стремления к какому-то этическому консенсусу в психологической среде пока не наблюдается. Даже всероссийская «Психологическая газета» и форум «Золотая Психея» практически стали площадками для выражения мнений только определённой идеологической группы психологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 т. М., 1956. Т. 3.
2. Журавлёв А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 2. С. 57–70.
3. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. № 226. 10.10.2018.
4. Конституция Российской Федерации. М.: «Прспект», 1999.
5. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Юбилейный архиерейский сбор РПЦ (Сборник докладов и документов). СПб. 2000. С. 150–211.
6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ. № 683 от 31.12.2015 г.
URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (обращение 3.12.2018).
7. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. *URL: <http://itmydream.com/citati/book/vasilii-vasilevich-rozanov-apokalipsis-nashego-vremeni>* (обращение 3.12.2018)
8. Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991 (репринт, С. Петербург. 1898)
9. Семёнов В. Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов (Хрестоматия)/Сост. А. Л. Свенцицкий. — СПб.: Питер. 2000. С. 485–492.
10. Семёнов В. Е. Российская полиментальность и духовно-политическая ситуация в современной России // Вестник политической психологии. 2008. № 1. С. 24–26.
11. Семёнов В. Е. Башня «Газпрома»: от социального конфликта к согласию // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В. Е. Семёнова. СПб. Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. С. 215–219.
12. Семёнов В. Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историогенез и современное состояние российского менталитета/Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 403–429.
13. Семёнов В. Е. Российское общество, полиментальность и социальное согласие // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 4. С. 98–102.
14. Семёнов В. Е. Российская идентичность и патриотизм в полиментальном обществе [Электронный ресурс] // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3. С. 116–142. *URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document374.pdf>* (обращение 3.12.2018).
15. Символы и святыни Российской державы / Н. А. Соболева, А. Н. Казакевич. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2007.
16. Этика Аристотеля. СПб. 1908.
17. von Weizsacker E., Wijkman A. COME ON! Capitalism, Short-termism, Population and Destruction of the Planet — A Report to the Club of Rome. Springer. 2018.
18. A panorama of Contemporary ideas/Ed by G. Picon. N. Y., 1982.

ВАССОЕВИЧ Андрей Леонидович

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ НАКАНУНЕ 30-ЛЕТИЯ

ОБ АВТОРЕ:

Директор Института востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена, ректор Санкт-Петербургской Восточной Академии, профессор кафедры политической психологии СПбГУ, на которой с незначительными перерывами проработал с 1992 по 2019 год, доктор философских наук и кандидат исторических наук. Окончил Восточный факультет ЛГУ им. А.А. Жданова.

Общеизвестно, что слово «психология», имеющее древнегреческую этимологию, составлено из ψυχή — «душа» и многозначного слова λόγος. Поэтому сама «психология» может истолковываться и как «душеведение» — наука о душе, и как «душесловие». Понятно, что в русском языке такие слова как «празднословие», «славословие», «сквернословие» имеют скорее отрицательную коннотацию. Поэтому любая попытка навязывать понимание психологии как «душесловия» будет казаться оскорбительной. И, тем не менее, современная психологическая наука распадается на два течения: одни учёные занимаются реальным изучением психических явлений, то есть ответов мозга на внешние и внутренние раздражители, а другие, как это ни прискорбно, разглагольствуют о том, что «Бог на душу положит». К ним-то, по своей сути, термин «душесловие» вполне применим.

Вспоминаю, как в советское время со стороны студентов естественнонаучных факультетов ЛГУ им. А.А. Жданова исходила очень обидная шутка, обращённая к студентам психфака: «Психологи занимаются тем, чего нет». Ведь тогдашняя материалистическая философия отрицала в человеке наличие души. Сегодня времена примитивного материализма ушли в прошлое, так как любой современный мобильный телефон, имеющий доступ к Интернету, с точки зрения материалиста XIX века, — это воплощённая сказка Пушкина («Свойство зеркальце имело, говорить оно умело»). Обращаемся к «гуглу» — получаем достоверный ответ. Поэтому надо исходить из того, что в обществе уже созрели предпосылки для того, чтобы психология становилась наукой более глубокой, нежели та разновидность упорядоченного знания, с которой мы сталкиваемся в по-своему замечательном учебни-

ке Б.М. Теплова¹, изданном в последние годы жизни И.В. Сталина, как руководство для средних школ.

Если исходить из того, что **наука есть упорядоченное знание, направленное на выявление причинно-следственных связей и /или связей соотносительной одновременности, стремящееся к точности измерений**, политическая психология, безусловно, — наука. Другое дело, что те определения политической психологии, которыми мы чаще всего пользуемся, оставляют желать лучшего. Обычно «...используется определение политической психологии, принятое в ISPP. Политическая психология — это дисциплина, изучающая связи между психологическими и политическими процессами»². В 1997 году А.И. Юрьев видоизменил это определение, провозгласив, что «*политическая психология изучает связь политических явлений и психологических феноменов*»³.

Но и это второе определение содержит элемент тавтологии, поскольку древнегреческое φαίνόμενον и означает «явление». Возможно, в преддверии 30-летия создания кафедры политической психологии СПбГУ, проще было бы признать, что **политическая психология изучает связь между психическими явлениями и формами политического поведения**. Такое определение, по крайней мере, не противоречило бы широко распространённому мнению, что сама **психология — наука о психических явлениях**,

1 Теплов Б. М. Психология. Учебник для средней школы. Изд-во: Учпедгиз. 1949.

2 Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 13.

3 Юрьев А.И. Системное описание политической психологии. Диссертация в виде научного доклада на соискание учёной степени доктора психологических наук. СПб, 1996. С. 3.

а психические явления, соответственно, — это ответы мозга на внешние и внутренние раздражители.

Будучи порождением двух выдающихся воспитанников ленинградской психологической школы, наша политическая психология закономерно сформировала два течения. На сегодняшний день политические психологи делятся преимущественно на «зимичевцев» и «юрьевцев». К числу «юрьевцев» следует отнести, прежде всего, тех учеников Александра Ивановича, которые, сохранив верность своему учителю, ушли вместе с ним «в дальнее плавание» в ЛГУ им. А.С. Пушкина. «Зимичевцы» же в память Анатолия Михайловича уже второй год на площадке Санкт-Петербургского информационного центра ТАСС проводят «Зимичевские чтения», посвящённые проблемам межэтнического согласия.

Здесь уместно напомнить, что сам Анатолий Михайлович никогда не стремился к тому, чтобы его друзья и поклонники лишь начётнически повторяли основные положения выдающейся книги «Психология политической борьбы», выдержавшей шесть изданий. А.М. Зимичев ценил, когда политические психологи, не соглашаясь с ним, вступали в дискуссии. Сошлюсь на конференцию «Российская элита на рубеже веков», организованную в 2000 году Г.С. Водолеевым, где я не только пропагандировал знаменитое зимичевское определение этноса⁴, но вступал на путь откровенного ревизионизма: «Отталкиваясь от схемы А.М. Зимичева, когда этнос изображается в виде овала, в который вписано местоимение 1 лица множественного числа «Мы», и овал этот противопоставляется окружающему миру, обозначенному словами «НЕ Мы», для лиц, склонных к конкретно-образному мышлению, можно предложить новый наглядный образ. Этот образ — изображение живой клетки, находящейся в межклеточном веществе. При всём разнообразии по размерам, форме и функциям все клетки имеют общие черты строения. И подобно тому, как основные части любой клетки — цитоплазма и ядро, любой этнос включает в себя, помимо основной массы, его составляющей, ещё и элиту этноса (его ядро)»⁵.

Поверьте, после этого «ревизионистского» выступления Анатолий Михайлович не только на меня не обиделся, но и в самом конце 2000 года преподнёс мне удивительный подарок в виде книжечки⁶.

Естественно, что в политической психологии, как и вообще в нашей жизни, возможно продуктивное

сотрудничество людей, стоящих на прямо противоположных мировоззренческих позициях. Одни психологи являются психологами-материалистами, другие допускают, что существует некая высшая сила, стоящая над законами природы. Речь, конечно же, идёт о тех, кто придерживается клерикального умонастроения. А клерикальное умонастроение тоже обязывает ко многому, в частности, к пониманию такой категории, как грех.

Преподавая около четверти века на факультете психологии СПбГУ, я на протяжении многих лет задавал студентам один и тот же вопрос: «Что есть грех?» И поразительно, что никто и никогда по этому поводу не мог дать вразумительного ответа, хотя до 1917 года правильный ответ был известен всем, кто учился по Букварю для церковно-приходской школы: «Что́ е́сть грѣхъ; Престѹплѣнїе закона вѣла»⁷. Если изъяснять эти слова современным научным языком, нам пришлось бы сказать, что **грех — это противодействие той высшей силе, которая предопределяет законы природы и социальной жизни, включая закон отложенного возмездия**. Ещё Ф. Ницше предостерегал — «hütet euch, gegen den Wind zu speien!»⁸ — «бойтесь плевать против ветра». Но что такое плевать против ветра по сравнению с плевыми в сторону той силы, которая выше законов природы и социальной жизни человека и которая, в конечном счёте, предопределяет закон отложенного возмездия⁹. Будем исходить из того, что сегодня в политической психологии возможны два направления: одно «гуманистическое», основанное на непрестанной лести человеческому роду, а другое — солидаризирующееся с реальной оценкой греховности человеческой природы, о которой говорят все традиционные монотеистические религии.

В качестве примеров грубой лести человеческому роду вспомним слова таких классиков русской литературы, как М. Горький и В.Г. Короленко: «Человек!... Это звучит... гордо!»¹⁰, «Человек создан для счастья, как птица для полёта»¹¹. Альтернативную точку зрения легче всего представить словами пятидесятого псалма «**Грѣ во, въ веззаконїихъ зачатъ ѣсмь, и во грѣсѣхъ роди, ма мати моа**»¹². Поэтому,

4 «Этнос — это любое объединение людей, которые осознают свою общность, т.е. могут сказать о себе «Мы». ... Для того чтобы этнос мог существовать, он должен быть противопоставлен окружающему миру «не мы». Иначе говоря, этнос всегда существует там, где есть разделение на «мы» и «не мы» См.: Зимичев А.М. Психология политической борьбы/в книге Избранные произведения. СПб, Изд-во ЦППИ, 2008. С. 553–554

5 Вассоевич А.Л. Идеология нового элитаризма в условиях криминально-мафиозного способа производства // Российские элиты на рубеже веков (социальные технологии нового элитаризма). Материалы научно-практической конференции. СПб., 2000. С. 67–68

6 Дроздов В.А., Зимичев А.М. Вассоевич Андрей Леонидович / Материалы к библиографии ученых России. Вып. 1. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургская Акмеологическая Академия», 2000. — 124 с.

7 Славянский или церковный букварь. Репринтное воспроизведение издания 1908. СПб: Титул, 1992. С. 81.

8 Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Gesammelte Werke. Köln, Anacolina Verlag GmbH, 2012. S. 434.

9 Вассоевич А.Л. Большой террор как орудие внутривластной борьбы // Следствие продолжается... Кн. двенадцатая. СПб: «Первый класс», 2018. С. 72–75.

10 Горький М. На дне // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 170.

11 Короленко В.Г. Парадокс. Собрание сочинений. Том 2. Повести и рассказы. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1954. С. 204.

12 Псалтирь следованная. I часть. Репринтное издание Донского монастыря. М.: Кузнецкий мост, 1993. С. 62.

общаясь на протяжении четверти века со студентами кафедры политической психологии, я всегда просил их записывать несколько основополагающих принципов, которые студенты-остряки величали «человеконенавистническими законами Андрея Леонидовича» (увы, «на всяк роток не накинешь платок», а студенты нередко бывают жестоки в оценках своих преподавателей). И всё-таки приведу ниже все эти положения.

Положение первое — всякая тварь божья стремится к экономии энергии. Положение проявляется не только в «принципе экономии речевых усилий», который так хорошо знаком лингвистам, когда вместо «Auf Wiedersehen» говорят «Wiedersehen», вместо «сколько, столько» — «скока, стока», например, в русском просторечии «скока вешать грамм». Куда существеннее, что первое краеугольное положение лежит в основе общечеловеческого стремления использовать чужой труд вместо того, чтобы самому расходовать свою энергию. Отсюда возникает и эксплуатация человека человеком.

Второе положение состоит в том, что **человек — существо ненасытное.** Любой представитель человеческого сообщества, страдающий избыточным весом, прекрасно понимает, что ему следовало бы в два-три раза сократить норму потребления белков, жиров и углеводов. А между тем, он не в состоянии совладать со своей ненасытностью. Это требует от него величайших волевых усилий.

Более того, как только человек начинает возлагать на других людей изрядную часть той трудовой деятельности, которую мог бы осуществлять и сам, у него появляется соблазн всё более и более высвободить для себя свободное время. Но речь идёт не только о стремлении разгрузиться от неприятных работ, человек ещё склонен к сверхпотреблению материальных благ. Точно так же нет сдерживающих механизмов и в злоупотреблении властью. Не случайно Н. С. Хрущёв — человек малокультурный, но не лишённый природного ума, — говорил: «Власть слаще бабы». И поэтому стремление к власти также подчиняется принципу: «человек — скотина ненасытная».

Существует, однако, **третий закон**, который нейтрализует действие закона предшествующего — **страх смерти обычно сильнее жажды наживы.** На протяжении многих тысячелетий на большой дороге этот принцип явственно проявлялся тогда, когда разбойники провозглашали: «Кошелёк или смерть!» При этом подавляющее большинство путешественников предпочитало отдать кошелёк, но сохранить свою жизнь. Естественно, что из всякого правила есть исключения. И поэтому находятся такие люди, которые готовы погибнуть в битве за собственные материальные блага. Но ведь и латинская мудрость гласит: «Nulla regula est sine exceptione» («нет правила без исключения»).

Четвёртый закон, наверное, особенно болезненно будет воспринят представителями творческой

и научной интеллигенции, — **человек — существо завистливое, ревнующее не только к чужому материальному благополучию, но и к знаниям, навыкам, умениям и талантам других людей.** Поэтому в любой науке, в том числе и в психологической, мы сталкиваемся с жесточайшей борьбой как отдельных учёных, так и целых научных кланов. И чаще всего в основе этой жестокой борьбы лежит простое человеческое чувство ревности и зависти. Именно поэтому научные школы по сути дела напоминают маленькие политические партии, где каждая пытается доминировать и подавлять другие конкурирующие с ней структуры. Случается, что происходит слияние некогда враждебных друг другу научных школ ради борьбы с третьей, более «опасной», научной школой.

Со времён горбачёвской перестройки бытовало мнение, что мощнейшим тормозом для развития отечественной науки была тоталитарная система. Прошедшие десятилетия показали, что тоталитарная система чаще всего не тормозила, а стимулировала развитие науки. Это относится как к тоталитарной системе Советского Союза, так и Третьего рейха. Через семь десятилетий после окончания Второй мировой войны мы с содроганием начинали узнавать, какие выдающиеся достижения были у науки нацистской: собственно говоря, стоя на её плечах, и США, и Советский Союз устремились в космос. Американцам, как известно, повезло больше всех, потому что им достался Вернер фон Браун. Ну а С. П. Королёву приходилось самому изучать трофейные управляемые снаряды Фау-1 и Фау-2. В этом смысле вклад русской науки в ракетостроение и космонавтику более оригинален, чем вклад науки американской.

Когда тоталитарная система требует от представителей научного сообщества (под угрозой расправы) конкретных результатов по созданию сверхнового оружия, овладению новыми технологиями, учёные вынуждены умерить внутривидовую борьбу. Когда же научные силы оказываются предоставлены сами себе, они часто встают на путь взаимоуничтожения. И здесь в силу вступает **ещё одно правило**, которое я осмелюсь сформулировать так: **если сумма отрицательных эмоций, связанных с любым видом деятельности, существенно превосходит сумму положительных эмоций, связанных с ним, то сама эта деятельность сначала перестаёт быть эмоционально значимой, а потом просто вызывает отвращение.**

Наблюдая за столкновениями научных группировок и отдельных учёных в самых различных областях наших наук — от востоковедения до психологии, — я могу сказать, что огромное количество талантливых людей сошли с дистанции после того, как сумма отрицательных эмоций, возникших у них в ходе упорных попыток заниматься серьёзной наукой, резко превысила сумму положительных эмоций. Значит, в научном сообществе должен существовать и некий внешний регулятор.

Этим регулятором, в идеале, должна быть государственная власть. Другое дело, что в таком случае сама государственная власть должна быть представлена образованными и компетентными людьми, которые могут найти в себе смелость оценивать эффективность работы тех или иных научных подразделений.

Сегодня культурный уровень чиновничества, ответственного за науку, достаточно низок, и поэтому оно хватается за волшебную палочку наукометрических показателей. Научные результаты оцениваются не по существу, а по формальным показателям — чаще всего по количеству публикаций. В таких условиях любой графоман будет всегда иметь преимущество перед гением, который на протяжении многих лет пытается постичь некую реальную закономерность, а она иной раз может уместиться на нескольких страницах писчей бумаги. Считается, что чрезвычайно надёжным показателем является индекс цитирования. Но и тут мы сталкиваемся с определённым заблуждением. Появляются умники, которые весьма умело организуют систему взаимоцитирования — «мы вам — вы нам», «от нашего стола к вашему столу» — и бедное чиновничество опять оказывается обманутым. Коль скоро большинство нынешних ответственных лиц формировалось в ту пору, когда были сложены гениальные песни «Гуд-бай Америка... нас так долго учили любить твои запретные плоды»¹³ или «Она хотела бы жить на Манхэттене и с Деми Мур делиться секретами»¹⁴, то у чиновников, чья молодость прошла под звуки этих чарующих мелодий, возникает иллюзия того, что ссылки в западных изданиях — вот подлинный гарант эффективности научной деятельности. Но здесь, к сожалению, мы попадаем в самый страшный капкан для гуманитарных наук. Современный российский исследователь может получить признание только в том случае, если он покажет вкусам наших геополитических противников. Человек, который подвергает внутреннюю и внешнюю политику России уничтожающей критике, всегда будет признан прогрессивно мыслящим учёным. На него обрушатся и западные гранты, и престижные публикации, и приглашения на интереснейшие научные конференции. Тот же, кто будет последовательно отстаивать национально-государственные интересы, никакого умиления у западного научного сообщества вызывать не может, ибо Запад на протяжении многих веков стремился к расчленению и захвату России.

Не подлежит сомнению, что те положения, которые уже были сформулированы выше, весьма далеки от великих гуманистических идей, утверждающих,

что человек по своей природе добр и разумен. Однако, ради верности научной истине, следует упомянуть ещё и самый страшный **пятый закон: человек — существо агрессивное, тяготеющее не только к убийству себе подобных, но и к уничтожению культурно-исторических памятников, созданных предшествующими поколениями.**

Увы, со всеми этими «человеконенавистническими законами» начинающим политическим психологам следует считаться всегда!!!

Подводя итог, надо признать, что те проблемы, с которыми накануне своего 30-летия сталкивается отечественная политическая психология, — это проблемы нашей гуманитарной науки в целом. А коли так, то нам необходима метáνοια — **перемена сознания**. С моей точки зрения, для этого нужно прежде всего отказаться от порочной практики идеализации окружающего нас мира. Пора перестать, вслед за великим пролетарским писателем М. Горьким, повторять сладостную, но вздорную мысль о том, что «человек — это звучит гордо», или твердить вслед за В.Г. Короленко, что «человек создан для счастья, как птица для полёта». Надо исходить из того, что человек является таким, каким его знает всемирная история на протяжении, по крайней мере, пяти последних тысячелетий. Много ли за это время было мирных дней в истории человечества? Совсем немного. Зато некоторые войны длились даже не десятилетиями, а столетиями. Не будет преувеличением сказать, что всемирная история писана кровью и что мы живём в очень жестоком мире. И если уж ориентироваться на популярные произведения массовой культуры, то лучше было бы вспомнить слова песни: «Этот мир придуман не нами, этот мир придуман не мной»¹⁵. Надо воспринимать реальность такой, какая она есть. И политические психологи, отбросив модную ныне политкорректность и толерантность, в первую очередь должны отказаться от идеализации человека. Надо признать, что мы живём в условиях жесточайшей конкурентной борьбы, и в этой конкурентной борьбе участвуют не только государства и транснациональные корпорации, не только мировые религии и тоталитарные секты, но и спецслужбы, криминальные группировки и международные террористические организации. В этой жестокой борьбе на стороне наших геополитических противников мы частенько видим и некоторые научные школы и отдельных учёных. Осознание этой страшной реальности столь же полезно, как и возникшее в конце 40-х — в начале 50-х годов прошлого столетия понимание того, что ядерное оружие может в считанные минуты покончить с человечеством как таковым. Наградой за это адекватное понимание стало то, что человечество около семидесяти лет просуществовало без самоубийственной мировой войны.

13 Из песни «Последнее письмо» (музыка В. Бутусова — слова Д. Умецкого, В. Бутусова) // «Наутилус Помпилиус», альбом «Князь Тишины». 1989. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Князь_тишины (обращение 25.12.2018).

14 Из песни «Манхэттен» // «Банд'Эрос», альбом «Коламбия Пикчерз не представляет». 2008. URL: <http://banderos.ru/> (обращение 25.12.2018).

15 Из песни «Этот мир» (слова Л. Дербенёва — музыка А. Зацепина) из фильма «Женщина, которая поёт» (1978 г.) в исполнении А. Пугачёвой.

МЕЛЬНИК Евгений Евгеньевич

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ОБ АВТОРЕ:

Эксперт Центра политических и психологических исследований, депутат Орловского областного Совета народных депутатов четвёртого и пятого созывов 2007–2016 годов, кандидат технических наук. Окончил Орловский государственный технический университет.

Произошедшие в 2018 году на российском общественно-политическом пространстве события сформировали **устойчивое ощущение кризиса** государственно-партийно-политического устройства и необходимости поиска и определения путей выхода из него. Для решения обозначенной нами проблемы и как следствие поставленной цели вначале следует окунуться в новейшую политическую историю современной России.

Возвращаясь в 90-е годы прошлого века, к истокам конструирования современной российской партийной системы, можно сказать, что она **начала складываться естественным путём селекции** в соответствии со спектром политических взглядов в обществе. Выборы в Государственную Думу РФ 1993–1999 годов предложили электорату внушительную палитру политических цветов и полутонов, выявив основные политические настроения в обществе. **Левые коммунистические взгляды**, доставшиеся в наследство от СССР, стали основой КПРФ. Условно называемые **«центристские взгляды» без явно выраженной идеологии** формировали партию власти (в последние два десятилетия — партию политического большинства), ядром которой выступала административная бюрократия, «бюджетники» (как легко мобилизуемая и внушаемая часть населения) и часть молчаливого электората, которая в разное время присоединялась к этому большинству. **Искусственно созданная ЛДПСС**, трансформировавшаяся в ЛДПР, **имеющая мало общего с либерально-демократической идеологией**, тем не менее, заняла свою нишу в российской партийной системе. В своё время в передаче «Куклы» на телеканале НТВ очень метко изобразили избирателя ЛДПР в образе

популиста матроса-анархиста и лихого крестьянина в банде махновского толка, действующих по соображениям конъюнктуры (выжить да с прибытком) и выступающих на словах всегда против власти, с которой, однако, с тем же успехом могут договориться. Этот эксцентричный собирательный образ хорошо отражает сущность не только обозлённых, обиженных и маргинальных слоёв общества, но и достаточно существенной прослойки прошедших исправление в пенитенциарных учреждениях. Характерным примером этого служат успешные результаты голосования за ЛДПР в следственных изоляторах и на Дальнем Востоке.

«Либеральный проект», имевший определённый успех в 90-е («Яблоко», «Выбор России», ДВР и др.), к началу нулевых себя дискредитировал, и «правые» потеряли значительную часть своего электората, который существенно «порозовел». Объективно **созрел социал-демократический тренд**, основой которого стали представители малого и среднего бизнеса и интеллигенция (так называемый «средний класс» и электорат, находящийся в орбите его влияния). Формирование образа развития **по пути западной респектабельной социал-демократии** и успех на выборах в Государственную Думу РФ 2003 года партии «Родина» ускорил идею создания партии «Справедливая Россия» с целью выдавливания с левого фланга и полного замещения КПРФ. Очевидно, что целью этого манёвра была идея создать систему по типу наиболее устойчивой парламентской англо-саксонской двухпартийной системы **путём «поглощения» партией «эСэРов»** левого электората, а справа — оставить «Единую Россию», позиционируя её как классическую консервативную политическую

силу. Однако не только достаточно крупное и ортодоксальное левое ядро КПРФ и сформировавшийся в силу специфики российской ментальности ядерный электорат ЛДПР **не позволили** в 2007 году их игнорировать и **реализовать планы построения двухпартийной парламентской системы**, но и сама новая партия почему-то «оттянула» на себя потенциальный электорат «Единой России», превратив межпартийную предвыборную кампанию в борьбу двух пропрезидентских партий за один и тот же электорат.

Итак, к середине нулевых годов **качественная дифференциация** политических взглядов общества **была упрощена до максимально возможной** и представлена четырьмя вышеуказанными партиями в различных органах власти в стране (с незначительными исключениями). В таком виде отечественная партийная политическая система на протяжении трёх выборных циклов выглядит почти неизменной в глазах основной массы граждан РФ. В июне 2009 года на встрече в Государственной Думе РФ с молодыми парламентариями (*автор был в числе участников — прим. автора*) Владислав Сурков, являющийся одним из конструкторов современной партийной системы, заявил: «Мы затратили много ресурсов на создание действующей модели партийной системы. Действуйте, как сочтёте нужным в её рамках, но не смейте её трогать».

С началом бюджетного финансирования политических партий по итогам выборов в ГД РФ парламентские партии¹ стали по сути административными и не заинтересованными в каких-либо изменениях партийно-политической системы. В этой конструкции во время кризиса **не удаётся даже имитация политической конкуренции**, и, как следствие, электоральные группы не видят требуемого ими отклика от власти на улучшение их социально-экономического положения, а, значит, неизбежно **разочарование населения всей властной вертикалью** и, соответственно, парламентскими политическими партиями, действующими в ней.

Произошедшие же в 2011–2012 годах выборы в Государственную Думу и Президента РФ и последовавшие за этим события, трактуемые рядом оппозиционных сил как акты гражданского несогласия, вылились в недовольство их результатами. Возглавившие это недовольство представители праволиберальных взглядов, собравшие на свои митинги широкий спектр политических сил, **обозначили необходимость внесения изменений** в сложившуюся на тот момент партийно-политическую систему.

После этого представители отечественного истеблишмента, опасаясь неблагоприятного развития возникшей ситуации, попытались сформулировать **тезис о модернизации партии** «Единая Россия» как единой и единственной опоры государственной власти, но с сохранением общей конструкции действующей партийной системы. Однако при очевидной потребности в обновлении партии власти и её ребрендинге был всего лишь поставлен вопрос, на который требовалось найти ответ и решить поставленную задачу в контексте: **«Как изменить систему и при этом ничего не менять?»** Внесение же изменений в Федеральный закон «О политических партиях», запустивших видимость процесса, названного тогда либерализацией партийного строительства и политической жизни, хотя и оживило процесс создания и легализации **множества мелких и супермелких** партий, но, по сути, привело лишь к косметическим изменениям партийной системы. Хотя можно сказать, что основная цель внесения изменений в Федеральный закон была достигнута: бывшие соратники по «сопротивлению» разбрелись по своим старым и новым партийным квартирам, доказывая власти, народу и друг другу, что они «тоже ничего».

Произошедшие через полтора года события на Украине и возвращение в 2014 году Республики Крым и города Севастополя в «родную гавань» вызвали небывалый за последние десятилетия **патриотический подъём**, сравнимый разве что с полётом первого человека в космос, сделав россиянам своеобразную «прививку» от Майдана и прочего «болотного» брожения. Это **отодвинуло** на второй план многие **политические разногласия** и **вопросы модернизации** партийного поля, дав архитекторам отечественной партийно-политической конструкции небольшой выигрыш во времени, который, к сожалению, не был использован для её модификации. Фактически все представители парламентских партий в вопросах «Русской весны» были единогласны в оценках, слившись в единый «хор» без явных различий во мнениях. При этом правое либеральное крыло российской партийной системы, выступившее противником присоединения Крыма, почти **полностью потеряло влияние среди населения и маргинализировалось**. Таким образом, события весны 2014 года сбросили градус накопленного населением в предыдущие годы недовольства властью. Но уже к концу 2014 — началу 2015 года на фоне международных антироссийских экономических санкций страну настигла очередная волна экономического кризиса, что привело к обострению социально-экономических проблем.

В сентябре 2015 года на заседании Совета безопасности РФ советник Президента РФ, академик

1 Напомним, что ст. 33 Федерального закона от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ «О политических партиях» вступила в силу только с 1 января 2004 г., в соответствии с которой в российской партийно-политической системе осталось только 7 партий, которые имели право принимать участие и выдвигать своих кандидатов на выборные должности в региональные и федеральные органы власти.

Сергей Глазьев, выступил с докладом «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития». Обсуждение доклада стало резонансным, так как фактически был публично **озвучен общественный запрос на социальную справедливость** как упорно не замечаемую властью доминирующую ценность в общественном сознании [1]. И если, по его мнению, система управления не соответствует этой потребности, то «народ не будет считать её легитимной. Он будет притворяться, что подчиняется, а чиновники — делать вид, что управляют». И в результате подобная «всеобщая имитация приведёт к развалу такой системы при первых же испытаниях», как это произошло столетие назад, когда «рухнула Российская империя, а четверть века назад — Советский Союз» [2].

Действительно, современные вызовы поставили в жёсткие рамки всю властную вертикаль, **заставив начать неизбежную мобилизацию ресурсов, вылившуюся в её антисоциальные решения** (пенсионная реформа, увеличение налогов, рост цен и тарифов и т. д.). В этой ситуации, как подметил Глазьев, **граждане страны не хотят разделять все тяготы и лишения с несправедливой властью**, высокопоставленные представители которой позволяют себе циничные высказывания типа «денег нет, но вы держитесь» или «государство вам ничего не должно», свидетельствующие о том, что **растление людей, ответственных за решения, уже произошло**, и люди им доверять, как прежде, не будут. Итоги сентябрьского голосования 2018 года продемонстрировали сильное и нарастающее недовольство властью, а в некоторых регионах — **тенденцию присоединения молчаливого большинства к протестным настроениям** (протестное голосование). Такое положение дел нивелирует до этого эффективно применявшийся управленческий фактор чистого администрирования и вызывает растерянность у ответственных лиц, а также автоматически возникает потребность в качественно более сложном антикризисном управлении, для которого нужны другие кадры.

Неясность ситуации и отсутствие вектора развития партийной системы дезориентирует политические элиты и порождает нерешительность в действиях. **Как должна мимикрировать «Единая Россия», никому до конца не понятно.** Явно, что партия попадает под шквал критики, её дальнейшие планы и действия уже подвергаются общественной обструкции. **Непринятие населением пенсионной реформы** существенно повлияло как на рейтинг В.В. Путина, так и (как следствие) на рейтинг партии-лидера, так как её рейтинг не просто напрямую связан, но и фактически составляет, если исклю-

чить фактор административного ресурса во всех его аспектах, половину его рейтинга (что хорошо продемонстрировали выборы в Государственную Думу в 2016 году и Президента в 2018 году [3], где за «Единую Россию» проголосовали 25,9% населения (от числа всех зарегистрированных ЦИК избирателей), а за В.В. Путина — 51,8%). Именно поэтому **федеральные властные структуры сами дистанцируются от «Единой России»**, позиционируя кандидатов-фаворитов в губернаторы как самовыдвиженцев.

Тем не менее, **попытку ребрендинга** и обновления «Единой России» с формированием нового положительного образа **в народе уже называют мутацией**. Очевидно, что упущено время как самый главный ресурс (других, правда, тоже наблюдается острый дефицит), необходимый для формирования настроения масс. Поэтому многочисленные форумы и встречи, которые раньше генерировали и вбрасывали необходимые идеи в общественное сознание, перестали формировать актуальную повестку дня, а речи, там звучащие, мгновенно вызывают раздражение. Например, Анатолий Чубайс договорился до того, что в России левая идеология — идеология для бедных, национализм — для русских, либеральная идеология — для человека [4]. Такие высказывания **квалифицируются как социальный расизм**, так как из сказанного логично следует, что «бедный и русский» — не человек.

К общей картине стоит добавить, что и оппозиционные парламентские силы «забронзовели» в общественном сознании и люди не связывают свои чаяния на перемены к лучшему со старыми политическими игроками из КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР, а это фактически **выливается в неприятие в возможность что-либо изменить** в рамках существующей партийно-политической системы. Поэтому в действующей системе необходимы свежие «полевые игроки». Однако из 64 официально зарегистрированных политических партий ни одна в своих программных документах не заявила своей целью смену государственного устройства, так как это стало бы формальным поводом для отказа в регистрации партии в Минюсте. Получается, что **отсутствует механизм необходимых изменений** как электоральным, так и административным путём. Проявилась **неадекватность партийно-политической системы**, так как в ней не видны пути и способы разрешения накопившихся противоречий. Именно поэтому всё чаще появляются осторожные информационные выбросы в СМИ о возможной конституционной реформе, как о новом пути реформирования политической системы. Но при этом Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин в своей статье в «Российской газете» определяет этот путь как опасный [5].

Тем временем политические силы, которые играют за рамками правил современной политической игры и демонстрируют **шаги, направленные на слом современной системы, уже имеют популярность среди населения** и продолжают формировать политический капитал. К примеру, Алексей Навальный, действуя как представитель либеральной ответственности и не являясь выдвиженцем какой-либо партии, осуществляет нестандартные шаги вне устоявшихся правил партийно-политической системы и набирает большую популярность у населения, чем другие оппозиционные политики, находящиеся в политическом правовом поле. Тем не менее, **олицетворяя возможность очередного либерального поворота**, даже его коллеги по идеологическим взглядам относятся к этому крайне осторожно, если не скептически. В ходе лекции профессора Григория Юдина «Кто мы — индивидуалисты или коллективисты?», организованной в ноябре 2018 года фондом Егора Гайдара, докладчиком сделаны осторожные умозаключения, что **либерализм антагонистичен основной массе людей из исторически сложившейся русской общины**, которая (в отличие от европейской) сформировалась в крайне суровых для выживания природных условиях, **где мог существовать только коллектив**. Община подавляла человеческую индивидуальность, и мы находимся в своеобразной «антропологической колее», в которой **общинный русский человек является исторической константой** [6]. Именно поэтому не меняется мотивация среднестатистического россиянина: для него **справедливость превышает личную свободу**. Исходя из этого, условно любое очередное либеральное шоковое рыночное преобразование (и не только оно) может стать **триггером** для обострения внутривнутриполитического кризиса. **После этого стоит ожидать либо резкую фашизацию** (солидаристского толка) политического режима со всеми вытекающими последствиями, связанными с ограничением личных и политических свобод и, как следствие, крах нынешней партийно-политической системы, **либо**, чтобы канализировать протест в нужное русло — **имитацию левого поворота**: формирование коалиционного правительства с сохранением всех атрибутов демократической партийной системы с перераспределением роли ведущей политической партии и сохранения их административного характера. **Третий вариант — это революционная хаотизация и фрагментация государства**. Так, профессор МГИМО Валерий Соловей в подтверждение отказа линии обратной связи управления системы и отсутствия желания и решимости что-либо «ремонтировать» утверждает, что «принято стратегическое решение игнорировать общественное возмущение, по каким бы поводам оно ни происходило. Решение было принято исходя из того, что если мы будем на всё реагировать,

то мы тем самым даём слабину. Мы в одном отступили, в другом отступили — а потом на нас вообще наступят. Поэтому отступать не будем» [7].

Как бы ни было велико желание в очередной исторический период сформировать незыблемые политические традиции и стабильную партийную систему — оно натывается на непреодолимые объективные социально-экономические обстоятельства. По некоторым признакам можно говорить о том, что трансформация системы уже невозможна. **Негативные тенденции** в вопросах качества управления (вплоть до частичной потери управляемости в системе) формируют у элит, ответственных за решения, ощущение перехода точки невозврата и **устойчивое тревожное ожидание развития негативных событий**, а также **неверие в возможность переломить ситуацию**. Это в свою очередь даёт повод для их дальнейшего разобщения и формирования планов персональных действий для своего спасения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития (доклад). М., 2015. URL: http://www.ershovm.ru/files/publications_document_194.pdf (обращение 25.12.2018).
2. Глазьев С.Ю. Какая идеология поднимет Россию. ЕИИ «Завтра.ру», 9 января 2018. URL: http://zavtra.ru/blogs/kakaya_ideologiya_podnimet_rossiyu (обращение 25.12.2018).
3. Политические индикаторы/Доминанты 50 от 20 декабря 2018 года. База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom_5018/d501801 (обращение 25.12.2018).
4. «Anatoly Chubays» на Facebook. 26.11.2018. URL: <https://www.facebook.com/anatoly.chubays/videos/2089686451081864/> (обращение 25.12.2018).
5. Буква и дух Конституции. Валерий Зорькин — о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам. «Российская Газета», 10 октября 2018 г. № 7689. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (обращение 25.12.2018).
6. Юдин Г. Кто мы — индивидуалисты или коллективисты? Лекция 28 ноября 2018 года, «Фонд Егора Гайдара» URL: <http://gaidarfund.ru/articles/3183/tab1> (обращение 25.12.2018).
7. Валерий Соловей: «Воззвания о морали и справедливости безразличны российской власти». Московский активист, 4 декабря 2018 г. URL: <https://www.activist.msk.ru/2018/12/valeriy-solovey-vozzvaniya-o-morali-i-spravedlivosti-bezrazlichny-rossiyskoy-vlasti.html> (обращение 25.12.2018).

ВОДОЛЕЕВ Геннадий Сергеевич

ПСИХОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СУПЕРЭТНОСА

ОБ АВТОРЕ:

Эксперт Центра политических и психологических исследований. До 1993 года возглавлял Управление по борьбе с экономическими преступлениями по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Член Союза писателей России. Окончил юридический факультет ЛГУ им. А. А. Жданова

Возникновение СССР как альтернативного типа нового государственного устройства, основывающегося не на принципах доминирования в распределении и значительного потребления благ меньшинством, где частная собственность, а с ней и нажива как главный смысл и содержание бытия были ликвидированы, **дало человечеству надежду на социальную справедливость**, хотя и не изменило коренным образом природы людей, не повлияло на доминирующие природные животные инстинкты в их хищническом естестве, в стремлении обеспечить только себе или своему прайду (стае) благополучие, в том числе и в абсолютно извращённом виде существования: поедании себе подобных не ради безопасности физической или продолжения рода, а для накопления, не прозапас, на случай неудачи в охоте, а «чтобы просто было».

В СССР с отменой частной собственности **корыстолюбцы** всё же в одночасье никуда не делись. Но они **остались без стимулов — официальных прибылей**, а, следовательно, без ресурсов для скупки услуг правоохранительных и иных чиновников, криминала — то есть **стали в одночасье социально малозаметны**, малозначительны. Незначительные (по численности) **исключения — руководящие работники торговли и общественного питания**, где обсчётами, обвесами, играми в пересортицу, продажей должностей сколачивались впечатляющие для советского общества накопления — могли использовать теневые доходы для повышения уровня своего потребления, качества получаемых разнообразных услуг, обеспечения довольно высокого уровня своего комфорта. Изрядную долю им приходилось тратить на откуп от правоохранителей, на охранительную дружбу со значимыми

фигурами в партийных и советских органах власти. И всё. **Никаких** при этом **политических карьер**, никаких объектов **собственности за рубежом**, почти никаких финансовых и иных мошенничеств (по крайней мере, регионального уровня). Кроме «торговой страты», ещё одна группа, которая имела доступ к более высокому уровню потребления в распределении благ и могла позволить себе несколько «покуражиться», проводя сафари в Африке, кутежи в ресторанах Парижа и т. п. — это дети высшей партийно-советской номенклатуры (несколько тысяч на всю страну), что, впрочем, не очень бросалось в глаза, да и известны они были очень узкому кругу лиц.

В советском обществе **алчность не была культовым качеством**: конкурса при поступлении в торговые и финансово-экономические вузы почти не было, молодёжь стремилась реализовываться в науке, искусстве, в изобретательстве. И надо напомнить, что **многие преуспевшие торговцы** (возможно, до 5% руководителей магазинов и ресторанов) **прошли тюремные заключения**, получив немалые сроки. С такой «отметинной» в советское время ходу «наверх» номенклатурной лестницы не было, а родители-торгаши резко понижали у сверстников их детей уважение к социальному статусу, что также не позволяло их отпрыскам «распускать веером свои хвосты». Можно говорить, что **в целом популяция «торгового люда» не разрасталась**: ни численно, ни статусно. Правда, **в последние два десятилетия** существования СССР с появлением у многих возможностей бывать в турпоездах по Европе и Америке, где уровень и качество потребления, бытового комфорта были значительно выше, в массе советских людей стало шириться **стремление к теневым заработкам**. Благоприятные

возможности для этого появились у врачей (особенно стоматологов), рядовых работников сферы услуг (телевизионных мастеров, работников кладбищ, моргов, продавцов импортных товаров и т.п.), что, несомненно, повлияло на уровень их благосостояния и возможность приобретения без очереди (в отличие от получения бесплатной государственной квартиры) кооперативного жилья, строительства садоводческих домиков, дач, приобретения автомобилей, а также получения доступа к другим видам материальных благ и устройства своего бытия. И **возникший «руччйк» теневого заработка** привёл к тому, что советский народ начал массово «приворачивать» по мелочи, появилось понятие «несуны». И в советском законодательстве, чтобы половина населения не оказалась за решёткой по статьям «хищение социалистической собственности», в 1984 году пришлось срочно вводить понятие «мелкое хищение», за которое определялась административная, а не уголовная ответственность. Таким образом, «**собственник**» и в советском человеке **изрядно подокреп**, разросся, но всё же не доминировал в «широких народных массах».

Необходимо, правда, отметить, что **национальные окраины СССР** здесь сильно отличались от РСФСР. Здесь директора промышленных предприятий, торговых заведений, совхозов вели себя уже наполовину как собственники, у многих номенклатурных руководителей, в том числе местной партийно-советской номенклатуры, в совхозных стадах овец и других продуктивных видов животных находились «личные» отары. Многие **доходные должности продавались**. Но в России в целом (кроме Москвы) социалистическая собственность ещё не переходила в безраздельное распоряжение хозяйственных руководителей, и такой спайки хозяйственников и государственных управленцев не было, как это имело место быть, к примеру, в Таджикистане, Узбекистане и на Кавказе, откуда коррупция активно продвигалась в Москву: вначале в правительственные учреждения, а затем, потихоньку, и на остальные руководящие уровни.

В те годы представители советских кавказских республик, в том числе входящих в состав РСФСР, которые бывали в Ленинграде, часто жаловались на алчность многих столичных партийно-советских чинов. Правда, последние щедро расплачивались «за мзду» обильными сверхплановыми бюджетными и иными ресурсными поставками в эти регионы, урезая плановые «пайки» (или сильно тормозя их) для центральных областей. **К коррупции** высшей номенклатуры столицы **прибавился «густопсовый nepoтизм»**, что помогло нашим заокеанским «друзьям» и их агентам влияния позже без особого труда угробить социалистическую идею и практику в СССР на корню. Но сам **исторический опыт** (так сказать, «прививка от алчности») **общества, идеологически формируемого как общество «нестяжателей»**,

успешно просуществовавшего несколько десятилетий и выдержавшего сильнейшие исторические потрясения, не потерял своей ценности.

Напомним, что **в основу идеологии Советского Союза** были положены и реализованы следующие **принципы**, которые являлись в первую очередь профилактическими с точки зрения противодействия разрастанию аномии в советском обществе.

- **Большинство видов и способов наживы в СССР квалифицировались как преступления**, а это привело к тому, что данная деятельность стала уделом не многих, а лишь тех, кто был готов ради денег рискнуть своей свободой или даже жизнью.

- Значимость удачливых деньгодопытчиков и уровень референтности данного типа в социальных процессах сохранялся лишь среди тех, кто являлся носителем такого же криминально-мафиозного менталитета¹, и кого в нашей классификации мы определяем как «денежный люд», для которого стремление к наживе любой ценой (а точнее, невзирая на цену), презирая, по Зимичеву², все существующие юридические, социальные и психические нормы этноса, априори — витальная потребность. Данный «денежный люд» характеризовался и выставлялся советской пропагандой как социальные изгои.

- **Откровенное роскошество** не только подвергалось общественному порицанию, но и являлось рискованным, так как привлекало внимание правоохранителей на предмет выявления «источников нетрудовых доходов», что придавало социальным ландшафтам более благообразный, нетравмирующий вид.

- **Воспитание молодёжи строилось на принципах служения отечеству**, а в произведениях массовой культуры (фильмах, книгах, театральных постановках) акцент делался на пропаганде героических, служивых профессий — учёных, исследователей, космонавтов, борцов с преступностью, врачей, подводников и т.п., что также способствовало удержанию непомерного разрастания «племени устремлённых к наживе».

- **Стратификация советского общества хотя и существовала, но не носила непримиримого антагонистического характера**, так как в СССР отсутствовали отношения на основе разделения на «поедающих удавов» и предназначенных для поедания «кроликов».

- В СССР **отвергались гедонистические ценности**, и как следствие, **не расцветали пышным цветом, не множилось разнообразие индустрии удовольствий** — от традиционных (алкоголь и его

1 Семёнов В.Е. Полиментальная специфика России и российская политика // Вестник Политической психологии. 2001. № 1. С. 20–23.

2 Зимичев А.М. Психология политической борьбы / в книге Избранные произведения. СПб, Изд-во ЦППИ, 2008. С. 524.

храмы — рестораны) до непотребных: азартных игр, проституции, наркоиндустрии; данные занятия квалифицировались как опасные уголовные преступления, наличествующие в относительно незначительных количествах только в конспиративных условиях.

- Существовавшие **механизмы социального отбора** (социальные фильтры) практически **не позволяли** ранее судимым или тем, у кого близкие родственники были судимы, **занять публичные должности** или те посты, где необходимо было **охранять особые материальные ценности, государственные секреты**. Также не в чести были и многожёнцы, а уж тем более лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Этого было вполне достаточно для обеспечения потребности государства во вполне доброкачественном управленческом персонале.

- **Представители силовых органов СССР не «крывали»** проституцию, наркопритоны и наркоторговлю, не занимались шантажом предпринимателей и финансистов, вымогательствами в промышленных объёмах, а (как оказалось теперь) вполне успешно обеспечивали режим законности и правопорядок.

Кроме того, необходимо напомнить, что в целом **уровень общественной безопасности в городах** (притом, что природа человеческая была та же, но под изрядным административным прессом) был таков, что граждане не беспокоились за безопасность родных, а число убийств и иных тяжких преступлений в СССР было в 20–30 раз ниже нынешнего в «демократической» России.

Очевидно, что существовавшие в тот период множественные **виды эрозии социальной справедливости**, так вдохновлявшие тогдашних, да и теперешних оппозиционеров советского строя, проистекали не из социалистической идеологии, а только **из человеческой природы**. И теперь, оглядываясь назад и понимая весь социальный маразм, сотворённый с населением России, можно говорить, что жёсткая социальная узда должна быть всегда надета на представителей «стяжательского» сословия, причём исключительно в интересах и во имя сохранения здорового социума.

Советский социум, несмотря на то, что там **завелось и разрослось** к концу 80-х годов в столице и метастазами в республиках довольно **злое новообразование скрытых богачей** из высшей партийно-советской номенклатуры, связанной, прежде всего, с торговлей и с теневыми предприятиями кавказских республик, жил и развивался, учитывая и обслуживая интересы всего населения: планомерно строилось жильё, школы, больницы, готовились в нужном количестве кадры, планомерно развивалась академическая и прикладная наука, технологии. **Ведь до сих пор мы продолжаем «доедать» то, что было создано теми поколениями** и что уже на протяжении фактически 30-ти лет беспринципно разру-

шается, разворовывается (приватизируется) с целью вывоза и аккумуляции на счетах западных банков и вложения в недвижимость в других странах. Иногда очень хочется, чтобы **наши «деньгодопчики» вспомнили судьбы** А. Меньшикова, Г. Орлова, да и фактически всей российской высшей аристократии после 1917 года.

К сожалению, по сути, **гибель СССР** — общества новой формации, новой идеологии — **произошла из-за одной-единственной, но принципиальной ошибки: это уничтожение структуры, занимавшейся борьбой с «отклонениями»** от норм коммунистической этики **в среде высшей партийно-советской номенклатуры**, которая после смерти И. В. Сталина и расстрела Л. П. Берии была успешно ликвидирована под непосредственным руководством Н. С. Хрущёва. И, таким образом, через 20 лет генерация секретарей обкомов со «старшими товарищами» превратилась в **институт наместников «на кормлении»**, а ещё почти через поколение Коммунистическая партия Советского Союза перестала существовать, как и сама страна. **Наш сосед КНР** под духовным руководством КПК этого не сделал и до сих пор вполне успешно развивает своё общество, крепит государство, стабильно повышает его и без того уже высокую значимость в мире по всем классическим мерительным канонам, и **не допускает** при этом **маразма западных культур**.

Россия же буквально обрушилась в эпоху раннего капитализма и заката социалистического строя в бессовестное, преступное, алчное расхватывание госсобственности со стрельбой, уголовными репрессиями, расправами с конкурентами, с хищническим разрушением всех живых экономических связей, умышленным развалом действовавших предприятий и бешеным (прежде всего, в столице) купанием в шальных многомиллионных, миллиардных состояниях, сопровождаемым сумасшествием всевозможных роскошеств.

Проведённый нами анализ профилактических методов идеологического воспитания, практикуемых в СССР, и психолого-экономических факторов расширения аномичных процессов в советском обществе и в его элите, позволяет сделать следующий вывод: **мало запретить частную собственность** и подавлять чрезмерное обретательство на краденые средства, **необходимо значительно больше усилий** (не оставляя репрессивной практики против определённой группы не подлежащих никаким трансформациям дремучих собственников — носителей психотипа обитателя пещер) **тратить на обеспечение численного преобладания в структурах власти, управления высокосоциализированных, преимущественно альтруистических, психотипов**, блокируя инфильтрацию оголтелых корыстолюбцев в высокие социальные статусы.

СЛЁЗИН Валерий Борисович

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (очерк)

ОБ АВТОРЕ:

Слёзин Валерий Борисович (родился в 1937 г. в Ленинграде, умер в 2017 г. в Санкт-Петербурге) — учёный мирового масштаба, профессор, доктор биологических наук, кандидат медицинских наук, врач-психиатр. Окончил Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова. С 1963 г. по 1966 г. проходил очное обучение в аспирантуре по нейрофизиологии в Ленинградском НИИ им. В. М. Бехтерева, затем работал в ЛГУ им. А. А. Жданова, в Особом Конструкторском бюро биологической и медицинской кибернетики. С 1979 г. и до последних дней трудился в Ленинградском (в настоящее время Санкт-Петербургском) научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева, где с 1985 г. стал научным руководителем лаборатории нейро- и психофизиологии, а с 2006 г. — главным научным сотрудником института. Научный стаж — более 54 лет. Автор свыше 170 научных публикаций, в том числе: «Электроэнцефалографические корреляты психотерапии» (2000); «Биологические закономерности в поведении человека» (2006); «Геноцид белой расы. Биологические причины» (2007); «Россия — страна нормальных людей» (2016).

Заметим, что у нас высказывается даже такое мнение, что не надо было воевать, а надо было сразу сдаться. Так и сделали практически все страны западной Европы. Но мы должны помнить, что западные европейцы, которые не являются славянами, считались, по Гитлеру, почти немцами и уничтожению не подлежали. А вот чехи, которые, по словам Гитлера, могли работать не хуже немцев, а поэтому были опасны, подлежали уничтожению. Таким образом, наша капитуляция была бы самоубийством.

В своих мемуарах диверсант номер один Отто Скорцени писал, что поражение Германии — это поражение Европы. Скорцени считал, что Россия — государство, чуждое Западу, подлежащее ликвидации. Так же считали и советник президента США Рузвельта Тафт, и директор ФБР Гувер, которые отговаривали президента помогать СССР в войне с Германией. Они полагали, что немцы и их Гитлер хоть и не очень хорошие, но всё-таки свои, европейцы, а русские —

исконные враги Запада. Однако у Рузвельта был свой взгляд на вещи: он хотел ослабить Англию, сделать доллар международной валютой вместо фунта. Он считал, что в обмен на американскую помощь, Англия вынуждена будет пойти на уступки и допустить американские товары на рынок Британской империи. Для этого нужна была война, которая принудила бы Британию к этим уступкам. По мнению американского Главного штаба, СССР мог продержаться при нападении фашистов месяца полтора, максимум два. И тогда Англия оказалась бы в очень трудном положении и пошла бы на любые уступки взамен на американскую помощь. Так оно и случилось: Америка оттеснила свою бывшую метрополию и заняла доминирующее положение среди стран Запада и всего мира, кроме России, которая продержалась против фашистов не полтора месяца, а четыре года, и победила. Создав у себя ядерное оружие, причём водородную бомбу на полтора года раньше США, Россия обеспечила себе независимость, да и не только себе,

она спасла мир от американского господства, что усилило ненависть западных стран к России.

Почему Запад ненавидит Россию? Дело в том, что в России богатство не считалось моральным достоинством. Человека уважали за иные заслуги. Это положение сложилось давно и связано с православной церковью. Так, например, преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022) пишет: «Дьявол внушает нам сделать частной собственностью (ἰδιωτικοῦσθαι) и превратить в наше сбережение (ἀποθησαυρίζαι) то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать нас достойными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога»¹.

На отложенные деньги владелец мог накормить голодных. Но он этого не сделал. Недаром Временное правительство в России рухнуло, а Керенский перед смертью написал: «Ушёл один, отринутый народом»². Почему его прогнали? Да потому, что он, как и все либералы, отрицал равенство всех людей. Струве писал, что в прогрессивном, передовом человеческом обществе «является всегда человеческая личность, отмеченная более высокой степенью годности»³. Конечно, люди распределяются по профессиям, одни любят одно, другие — другое, но они равны, они все равны от рождения, отрицание этого наш народ не приемлет. Все люди одинаково годны, хотя выбор их может быть разным.

Это русское стремление к равенству совершенно неприемлемо для народов Запада. Это положение подтверждается всей историей. В подражание Западу, Столыпин решил разрушить крестьянскую общину, а землю передать отдельным собственникам. Это решение Столыпина вызвало безумный гнев крестьян. Лев Толстой в своей статье «Не могу молчать»⁴ пишет о массовых казнях крестьян, об установке на улицах виселиц, на которых висят крестьяне, то есть те люди, которые всех кормят. В те времена появилось выражение «столыпинский галстук». Эти «галстуки» надевали на тех, кто был недоволен прогрессивной демократической реформой. И можно говорить, что слова и действия Петра Аркадьевича, выразившиеся в его заключительной фразе, произнесённой 10 мая 1907 года перед депутатами Государственной думы II созыва: «Им нужны великие

потрясения, нам нужна Великая Россия!», породили в дальнейшем гражданскую войну и обеспечили победу большевиков, так как Великая Россия не может строиться вопреки воле её народа.

Народ привык к коллективному пользованию землёй — на основе этих интересов были созданы колхозы. На прогрессивном Западе желания народа обычно не учитываются. Так, англичанами были истреблены жители острова Тасмания, отравлялись колодцы в Австралии с целью истребления аборигенов, продавалась одежда больных оспой индейцам и прочее, конечно, «всё на пользу людям». В наше время американцы и их союзники в Европе бомбили Сербию, оторвали у неё Косово — часть её территории, — поселили там албанцев, а живших там сербов выслали или убили. Осталось сербов немного; их оставили, чтобы показать некий демократизм. В Косово месторождение полиметаллов стали разрабатывать американцы, создали там американскую базу. Желая получить дешёвую нефть, бомбили Ирак, истребляли население и сухопутными войсками, убили десятки тысяч людей. И все эти злодеяния прикрывались некой заботой о людях, о победе демократии. Вообще лицемерие англосаксов не знает границ. У них всё на благо людей, а вот русские везде убивают: тут и Сирия, и Чечня. Однако и там, и там восстанавливается нормальная жизнь, люди благодарны, чего не скажешь о тех странах, где были совершены американские «благоедеяния». Они убили Саддама Хусейна — президента Ирака; они убили Муамара Каддафи — президента Ливии. Устроили в этих странах хаос, все стали воевать со всеми. Хотели убрать и в Сирии президента Башара Асада, но вот русские тут помешали, и родилась злоба и ненависть. Причём эта ненависть распространилась вообще на весь русский народ, например, на наших спортсменов. Это чистой воды фашизм, который, как можно полагать, в крови у многих европейцев. К сожалению, оправдываются слова Вячеслава Михайловича Молотова о том, что фашизм — это идеология, поэтому он может возникнуть всегда, когда будут для того соответствующие условия. Америка и западная Европа перестают быть критерием истины, это-то их и злит, но это не предлог для возрождения фашизма. Когда-то сторонники Каутского определяли большевизм как «азиатизацию» Европы. Эта азиатизация есть просто здравомыслие и исправление недостатков Европы. Сейчас мы видим, к чему привели эти недостатки: к культуре содомского греха и к резкому сокращению рождаемости среди европейцев и замены их на африканцев и азиатов.

Надо сказать, что русский народ всё-таки принял колхозы. Это подтверждает аристократ И.И. Стеблин-Каменский, служивший в вермахте переводчиком. Он был уверен, что крестьяне обрадуются уничтожению колхозов, но этого не произошло, немцы

1 Цит. по: Василий (Кривошеин), архиеп. Преподобный Симеон Новый Богослов и его отношение к социально-политической действительности своего времени // «Православная Электронная Библиотека Одинцовского благочиния». URL: http://www.odinblago.ru/krivoshein_bogosl_trudi/16

2 Цит. по: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2016. С. 96.

3 Там же. С. 58.

4 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 37, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва, 1956.

предпочли временно оставить колхозы. На Западе предсказывали быструю гибель большевизма, но этого не только не произошло, но наоборот — народ во главе с властью разбил всю европейскую армию, возглавляемую немецкими национал-социалистами и итальянскими фашистами. Все прогнозы Запада о быстром крушении коммунистов не оправдались; советская власть, основанная на равенстве и соблюдении народных обычаев, оказалась прочной. Отход от российских обычаев, попытка Горбачёва и Ельцина угодить Западу привела к кризису, который в последнее время ликвидируется. Независимость страны для большинства населения приоритетна, а политиков, подобных Милукову, Керенскому, и современных, М. Касьянова, Б. Немцова, пытающихся утвердить западную идеологию, сейчас называют пятой колонной. Когда американского посла в СССР Дэвиса спросили, почему Советский Союз победил, почему не сработала сеть немецкой разведки, Дэвис ответил, что она была расстреляна. Такова была единственно правильная мера — она сохранила нашу идентичность.

Сейчас мы видим, как разлагается западный режим, — и при развале семьи, и при однополых браках, и при прочем. Но это всё происходит уже без нас, мы сохранили свой здравый смысл.

С удивлением можно читать нелепую ложь о том, что по приказу Ленина, как пишет в книге «При свете дня» В. Солоухин⁵, все министры в Зимнем дворце были арестованы, посажены в баржу и утоплены. Ну,

зачем же так нелепо врать? Военным министром в Зимнем дворце был генерал-полковник А. А. Маниковский, которому я прихожусь внучатым племянником; он стал первым командующим Красной Армией на короткий срок, а затем возглавил Академию Главного штаба. Его сотрудник, полковник Главного штаба Б. М. Шапошников, был начальником Главного штаба в Великую Отечественную войну и существенно переиграл начальника немецкого штаба Гальдера. Роль Шапошникова отражена в книге А. Исаева «Наступление маршала Шапошникова»⁶. Ленин говорил, что без генералов не было бы революции. Однако представителям пятой колонны не нужна была революция, не нужна была русская идентичность, им нужна была победа Запада, им хотелось пить баварское пиво. Подобное поведение является предательством национальных интересов. Ни одного министра не убили, баржи не было. Зачем всё это?

В заключение хочу сказать, что наша страна не раз стояла перед угрозой уничтожения: и когда она переживала революционный период, и когда она только вышла из состояния гражданской войны, и во время Великой Отечественной войны, и после, в 90-е годы. После разгрома «белых» в стране осталась масса противоречий, осталось много прозападных граждан, тех аристократов и интеллигентов, которые выступили против царского режима с прозападных позиций. Далеко не все они сбежали за границу, многие остались, сохраняя враждебность уже к новому режиму, как и их современные духовные потомки...

5 Солоухин В. При свете дня. М., 1992.

6 Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.

